

**И
Л**

Библиотека
журнала
«Иностранная
литература»

Иштвар Бергман

**Осенняя
соната**

Ингмар Бергман

Змеиное яйцо

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161663

*Ингмар Бергман «Осенняя соната», серия "Библиотека журнала
«Иностранная литература»: Известия; Москва; 1988*

Аннотация

Американец Абель Розенберг, вместе с братом и его женой приезжает в Германию. По загадочным причинам брат кончает жизнь самоубийством. Мануэлла становится проституткой. Поиски работы приводят Абеля в клинику Святой Анны, где он раскрывает жуткую тайну психологических и химических экспериментов над людьми...

Содержание

1	6
2	9
3	12
4	17
5	23
6	25
7	26
8	27
9	31
10	39
11	45
12	52
13	57
14	59
15	63
16	66
17	70
18	71
19	79
20	83
21	87
22	92
23	97

24	101
25	103
26	105
27	109
28	110
29	113
30	119

Ингмар Бергман

Змеиное яйцо

*Каждый человек – пропасть: глянешь – голова
закружится...¹*

Георг Бюхнер

---

¹ Слова Войцека из драмы Г. Бюхнера «Войцек». См.: *Георг Бюхнер. Пьесы. Проза. Письма*. М., «Искусство», 1972, с. 201. Перевод Е. Михелевич.

1

Берлин поздним вечером в субботу 3 ноября 1923 года. Ледяной пронзительный ветер насквозь продувает плохо освещенную Альбертштрассе, бесконечными кварталами протянувшуюся на юго-запад от скотобоен. Пачка сигарет стоит тринадцать миллионов марок, и простые люди почти утратили веру в настоящее и будущее.

Домой, сильно навеселе, возвращается *Абель Розенберг*. Он почти бежит: тонкое летнее пальто – не лучшая защита от ветра. Дом, где Абель снимает меблированную комнату, уютился в узком тупике. Столовая на третьем этаже полна народу. Там в полном разгаре семейное торжество: возгласы, смех, танцевальная музыка. Из кухни, где над ужином священнодействует хозяйка, фрау Хемзе, со своими несколькими подругами, доносится острый, непривычный запах готовящихся блюд.

В привратницкой, у конторки (на этот вечер уже опустевшей), Абель снимает с доски ключ от своей комнаты, быстро взбирается по лестнице на четвертый этаж, свернув за угол, оказывается в коротком коридоре, провонявшем чадом и клозетом, на ощупь отыскивает замочную скважину и входит в комнату.

В комнате зажжен верхний свет – неяркая лампочка под фарфоровым абажуром с бисерной бахромой. На незастланной постели – брат Абеля, Макс. Он покончил с собой выстрелом в рот. Его затылок разлетелся на куски; кровь и мозг разбрызгались по стене и постели. Макс сидит слегка отки-

нувшись назад, глаза полужакрыты, рот широко раскрыт. Рука его еще крепко сжимает большой армейский пистолет. Снизу, из столовой, слышится оживленный шум, музыка.

2

Местный полицейский участок на следующий день, 4 ноября. Сквозь грязные окна, выходящие во двор с голыми деревьями, пробиваются лучи бледного осеннего солнца.

С кружкой кофе в руке, позевывая, в приемную входит инспектор Бауэр – грузный широкоплечий мужчина с рыжими волосами и бородой.

Абель тотчас же поднимается со стула и протягивает ему руку, которую инспектор демонстративно не замечает. Он садится за стол, повернувшись спиной к Абелю, не спеша отхлебывает кофе, разглядывая играющих во дворе детей. От камина исходит удушающий жар. Затем появляется секретарша. Она сухо кивает Абелю и садится с блокнотом и карандашом наготове. Ей около сорока; короткая стрижка; ни следа косметики. Безупречно белая блузка плотно обтягивает матерински раздавшуюся грудь.

Инспектор разворачивается на сто восемьдесят градусов на своем вращающемся стуле, с легким стуком ставит на стол кофейную кружку и испытующе смотрит на Абеля.

Бауэр. Итак, вы совсем не говорите по-немецки.

Абель отрицательно качает головой.

Чертовски досадно. У фройляйн Дорст пропало воскресенье. (*Указывает на секретаришу.*)

Абель. Мне очень жаль.

Бауэр. Ваше имя?

Абель (*сообщает анкетные данные*). Абель Розенберг; тридцать пять лет; родился в Канаде; родители – датчане по национальности. Мы – мой брат Макс, его жена Мануэла и я – приехали в Берлин месяц тому назад; нет, это было в конце сентября. Макс повредил себе руку, и мы не могли больше работать. Мы цирковые артисты. Выступали с номером на трапеции. Бауэр заглядывает в портсигар: в нем две сигары – целая и наполовину выкуренная.

Фройляйн Дорст что-то рисует в блокноте. Бауэр зажигает начатую сигару и попыхивает ею.

Бауэр. У вашего брата были какие-нибудь причины для самоубийства? Депрессия? Несчастливая любовь? Алкоголизм? Наркотики? Истерия? Общая неудовлетворенность жизнью?

Абель. Не знаю.

Бауэр. Иными словами, необъяснимое побуждение? Ну что же, случается и такое. Вы поставили в известность его жену?

Абель. Я пытался – вчера вечером и еще раз сегодня утром, но никак не мог ее поймать.

Бауэр. Вы ведь жили вместе?

Абель. Нет. Мануэла и Макс развелись два года назад. Когда нас уволили из цирка, Мануэла нашла себе работу в кабаре. Я заскочу к ней после обеда. По воскресеньям кабаре открывается в три.

Бауэр. Могу я – это простая формальность – взглянуть на ваши документы?

Абель. Пожалуйста.

Бауэр. Благодарю вас. (*Уткнувшись в документы.*) Как вы собираетесь оплачивать похороны?

Абель. У нас кое-что отложено. Бауэр. Отлично. (*Невзначай.*) Вы еврей? Абель. Но...

Бауэр. О, не имеет значения. Я только любопытствовал, герр Розенберг. (*Возвращает Абелью паспорт и визу.*) Будем считать допрос оконченным. Что вы намерены делать дальше?

Абель молчит, пожимает плечами.

Как долго вы собираетесь пробыть в Берлине?

Абель. Пока не знаю.

Бауэр. Как вам известно, в городе отчаянная безработица. У нас не любят, когда иностранцы захватывают немногие имеющиеся рабочие места.

Абель. Да, я знаю.

Бауэр. После войны наши скудные ресурсы на социальное обеспечение совсем истощены. Не рассчитывайте, что кто-то позаботится о вас, когда у вас кончатся деньги.

Абель. О нет, разумеется.

Бауэр. До свиданья, герр Розенберг.

Абель. До свиданья, инспектор. До свиданья, фройляйн Дорст.

3

После допроса Абель направляется в ресторан, где обычно обедает. Половина второго; с реки поднимается холодный, сырой туман; над пустынными, бесконечными улицами разносится звон колоколов соседней церкви святой Елизаветы.

За спиной Абель слышит чьи-то шаги. Не оборачиваясь, он ускоряет ход, но идущий по пятам нагоняет его и берет под руку. Повернув голову, Абель видит перед собой усталое лицо с огромным носом и тяжелыми мешками под черными колючими глазами.

Холдинге р. Дьявольски спешим, не так ли? Собираемся пообедать? Я тоже. Пошли, я угощаю. Как дела, дорогой Абель? Как Макс и Мануэла? Рука у него скоро заживет, как ты думаешь? Знаешь, нам здорово недостает вас троих. Цирк просто плачет по вас. Ты, конечно, недоумеваешь: что это он, мол, делает здесь, в Берлине, когда вся труппа в Амстердаме? Приглядываю новые номера, мой мальчик. Сейчас я могу заполучить любую знаменитость, какую только душе угодно: ведь все знают, что я плачу долларами. Каждый вечер у нас аншлаг. Да арендуй я сарай вдвое больше теперешнего, и то он будет забит до отказа.

Они входят в ресторан, в это время дня полный посетителей. Это заведение довольно высокого класса со следа-

ми былой имперской роскоши. За оранжерейными пальмами несколько музыкантов в поношенных фраках выводят мелодию томного вальса. Вокруг Холлингера и его спутника тотчас же начинают суетиться метрдотель и официанты. Их проводят к столику в нише, задрапированной красным засаленным шелком. На стенах – картины, изображающие чувственные женские тела. Треснувшее бра с двумя сонными лампами отбрасывает теплый свет на стол, покрытый чистой, но потрепанной полотняной скатертью. Едкий запах сырой плесени успешно соперничает с ароматами блюд и табачным дымом. Холлингер заказывает овощной суп и жаркое из зайца – единственное, что внушает доверие в воскресном меню, бутылку шнапса в ведерке со льдом и две кружки пива.

Людам нужен цирк. Все летит к чертям. Не за что уцепиться. Послушай, что я вычитал утром в газете. Да, ты же не знаешь немецкого. Ладно, попробую перевести. (*Холлингер извлекает из кармана субботний выпуск «Фёлькишер беобахтер», листает, наконец находит место, отчеркнутое карандашом.*) Послушай-ка. (*Читает вслух.*) «Грядут страшные времена. Со всех сторон протягиваются к нашему горлу окровавленные руки обрезанных язычников-азиатов. Истребление христиан, учиненное евреем Изаскаром Цедерблюмом, могло бы заставить покраснеть Чингисхана. Свора жидов-террористов, натасканных на гнусное ремесло насильников и убийц, хозяйничает в стране, вздергивая на передвижные виселицы честных жителей городов и сел».

Холлингер умолкает и глядит на Абеля поверх очков, сползших на кончик его узкого ястребиного носа. Его тонкие губы растягиваются в улыбке, обнажая гнилые пожелтевшие зубы. Быстро захмелевший Абель отвечает собеседнику непонимающим взглядом. Холлингер возвращается к статье, пропускает несколько строк и находит нужное место.

Холлингер (*читает*). «Или вы хотите сначала увидеть, как тысячи ваших сограждан повесят на фонарных столбах? Вы будете выжидать, пока в вашем городе, как в России, начнут свою кровавую работу большевистские комиссары? Будете выжидать, пока не споткнетесь о тела ваших жен и детей?» (*И вновь Холлингер испытующе смотрит на своего друга-циркача. Не добившись никакой реакции, он зачитывает последнюю фразу статьи.*) «Сегодняшнее существование – это существование, исполненное великого страха». Тебе нужны деньги? Могу одолжить. Вот, пожалуйста, здесь шестьсот миллионов. Мне они ни к чему: завтра я уезжаю в Амстердам, нет никакого смысла их менять. В любом случае мне за них ничего не дадут. В четверг я был в Мюнхене. Там поговаривают о революции – о революции справа, мой дорогой Абель. (*Холлингер опять улыбается, и в его колючих черных глазах внезапно сквозит усталость. Он допивает свой шнапс и снова наливает себе и Абелю.*) Под страхом затаилась адская злоба. Сегодня все запуганы, запуганы до безумия. Робкие мелкие чиновники и их благодетельные жены, солдаты, слоняющиеся вокруг казарм и мечтающие

вновь оказаться на войне, обнищавшие крестьяне, ничего не получающие за свои продукты, учителя, переставшие верить в то, что написано в учебниках, – все они объаты страхом, и их страх скоро перерастет в ярость. Хочешь ты дожить до этого дня, мой дорогой Абель? Разумеется, не хочешь. И ты скорее предпочтешь – если, конечно, тебя еще до того не уничтожат, – ты скорее предпочтешь проделывать свои цирковые трюки на Южном полюсе, чем здесь, в Берлине, когда робкие восстанут и их страх обратится в ярость. *(Оскалив в улыбке длинные желтые зубы, Холлингер дышит в лицо Абелю винным перегаром. Он распахивает пиджак: становится виден пистолет, который он носит в жилетном кармане, слева под мышкой.)* Что бы ни случилось, меня живым никто не возьмет. Никто не отрежет мне сам знаешь что, в этом можешь быть уверен, мой дорогой Абель. Ну, за тебя, мой мальчик, мой ловкий маленький акробат. Мы выпутаемся, вот увидишь. Цирк – он всегда при деле. Поверь папе Холлингеру! Но почему ты молчишь, мой дорогой Абель?

Абель. Я слушаю. То, что вы говорите, интересно. Но, откровенно говоря, мне на все это наплевать. Я раскачиваюсь на трапеции, ем, сплю с девками. Чего же еще, черт побери, вы от меня хотите? Не верю я всей этой политической трескотне. Евреи так же глупы, как и все остальные. Если еврей попадает в беду, он сам в этом виноват. Он попадает в беду по собственной глупости. А я – я не так глуп, хоть я и еврей. Я не намерен попадать в беду. Так-то вот, папа Холлингер.

Спасибо за обед и за деньги. Мне пора бежать. В четыре я встречаюсь с Мануэлой.

4

В кабаре «У голубого осла» идет вечерняя воскресная программа. Зал (для этой цели переоборудован бывший гараж) длинной изогнутой кишкой протянулся внутри здания. За составленными почти вплотную столиками разместились немногочисленные посетители, в основном пожилые мужчины. К застрявшему в узком дверном проеме бару прилипли три официантки. Они курят и болтают друг с другом. Забившийся в оркестровую яму оркестрик, несмотря на свою малочисленность, производит на удивление много шума. Со сцены, скорее напоминающей вдвинутый в узкую стену гардероб, молодая женщина пытается перекрыть своим голосом аккомпанемент. Она поет песенку о том, что где-то есть детка, у которой есть конфетка; детка добра и мила, так что если вам достанет ума, она позволит вам попробовать свою конфетку. Эти слова певица сопровождает непристойными телодвижениями, далекими, впрочем, от профессиональной слаженности. Высокая, худая, она кажется нескладной в плохо сидящем на ней платье с турнюром. Небрежно надетый на ее голову голубой парик усиливает это впечатление.

Абель, еще не вполне протрезвевший, нетвердым шагом направляется к бару, дружески приветствует официанток и, получив свою кружку пива, плюхается на ближайший стул. В кабаре холодно и сыро, пахнет кислой капустой и дохлыми

мышами.

Когда девушка на сцене жестом, в котором нет и намека на элегантность, сбрасывает последнюю деталь своего туалета, на всеобщее обозрение предстает ее худая, но хорошо сложенная фигура с широкими плечами и высокой округлой грудью. Оркестр раздражается бурей звуков, и две половинки фиолетового шелкового занавеса с аппликациями эротического свойства судорожным рывком сдвигаются.

Кто-то один аплодирует; большая часть зала хранит молчание. Оркестранты, как бы обессиленные недавним крещендо, на несколько секунд замирают в неподвижности. Абель Розенберг встает и протискивается к узкой двери рядом со сценой. В тот же миг оркестр, вновь собравшись с силами, оглашает помещение бравурными звуками марша. Занавес раскрывается, и взорам зрителей являются четыре девушки в гвардейских мундирах, с голыми ляжками и в блестящих киверах с перьями. Маршируя взад и вперед по сцене, сверкая черными сапожками на высоких каблуках, они поют – вернее, выкрикивают – что-то о старой гвардии, которая, с кем воевать ни придется, никому не сдастся.

Абель Розенберг спускается на несколько ступенек, пригибается, чтобы не задеть головой протекающие водопроводные трубы, стучит в некрашеную деревянную дверь и входит в тесную комнатку, всю обстановку которой составляют вделанный в стену стол, накрытый рваной клеенкой, потрескавшееся зеркало, два скрипучих стула, умывальник и ба-

дья с мутноватой водой. Некрашеную фанерную перегородку украшают вырезки из журналов.

Только что певшая на сцене девушка уже успела набросить на себя перепачканный гримом халат, грубой вязки джемпер и большую шаль. Когда входит Абель, она натягивает толстые шерстяные чулки.

Лицо ее светлеет, но тут же становится серьезным.

Мануэла. Что-нибудь случилось?

Абель. Когда я вернулся... вчера вечером... Макс застрелился.

Мануэла присаживается на стул. На ее лице по-прежнему никакого выражения. Медленно снимает она с головы голубой парик, пропускает сквозь пальцы стриженные каштановые волосы, приглаживает ладонью пышную челку. Машинальный, заученный жест.

Мануэла. Я знала, что он это сделает.

Абель. Я присматривал за ним как мог, но никогда всерьез не представлял себе, что он может пойти на такое. Только не Макс.

Оба сидят растерянные, подавленные. Девушка машинально трет указательным пальцем пятно на клеенке. Абель вынимает пачку сигарет и предлагает ей одну; Мануэла отказывается, он сует пачку обратно в карман.

Мануэла. Он ведь где-то работал в последнее время. Ты не знаешь где?

Абель. Я не раз его спрашивал, но он сказал только, что

платят хорошо, и посоветовал мне не совать нос не в свои дела. Он оставил тебе письмо. *(Протягивает ей мятый конверт, в котором несколько долларовых бумажек и листок бумаги, исписанный неразборчивым почерком Макса.)*

Мануэла. Его руку почти невозможно разобрать. Нет, не могу. Попробуй ты.

Она возвращает письмо Абелью, который присаживается на другой стул. Он долго сидит молча, корпя над прощальным посланием брата.

Абель. Нет, ничего не понимаю. *(Пауза)*. Вот, теперь вижу, это слилось со всем остальным: «Несколько дней назад кто-то сказал мне, что человек – ошибка природы. Я спросил, чем он может доказать это утверждение. Он ответил только: „Оглянитесь вокруг себя и увидите“. Я сделал, как он сказал. Огляделся вокруг себя, но не...» *(Оторвавшись от текста.)* Дальше не могу разобрать... Да, вот здесь еще: «Речь идет о постоянно прогрессирующем отравлении...»

Абель поднимает глаза и встречается взглядом с Мануэлой. Она качает головой.

Мануэла *(повторяет)*. «Речь идет о постоянно прогрессирующем отравлении...»

Абель. Я почти не видел его в эти последние недели. Мануэла. Но вы ведь жили в одной комнате? Абель. Он же совсем не бывал дома. Однажды утром у нас с ним дошло до драки. *(Пауза.)* Я привел с собой шлюху. Наутро, когда он вернулся, она была еще у нас. Ему вроде вздумалось с ней

развлечься. Она согласилась, хотя он дал ей только половину ее таксы. И тут он вдруг завелся и как примется колотить ее. Ну, пришлось мне в конце концов задать ему трепку. Тогда он разревелся как маленький. А ведь я и не приложил-то его как следует. Я помнил про его сломанную руку.

Мануэла (*прерывая*). Черт побери, мне же надо переодеться к финалу! Поможешь мне?

Мануэла сбрасывает с себя шаль, джемпер, халат и чулки; снимает с крючка и натягивает на себя нечто отдаленно напоминающее купальный костюм. Абель помогает ей справиться с пуговицами и поясом, украшенным темно-желтым бантом.

Абель. Я не знал, что ты выступаешь на сцене. Мануэла. Да я и не выступала. Но как-то раз одна из девушек свалилась с гриппом, и я вызвалась заменить ее. Хозяину кабаре показалось, что это неплохая идея, и вот теперь я певица и зарабатываю тридцать пять миллионов в день. На это не проживешь, но все-таки лучше, чем ничего.

Абель. А с мужчинами ты тоже...

Мануэла (*поспешно*). Слушай, ты не зайдешь за мной вечером? Поужинаем где-нибудь вместе? Деньги Макса пусть побудут пока у тебя. Тут их спрятать негде.

Она целует его в щеку и выбегает. Абель так и остается стоять посреди комнаты. До него доносится четкий ритм музыкального финала и стук каблучков танцовщиц, отбивающих на деревянном полу: «Berlin, Berlin, Berlinerin. Berlin,

Berlin mit leichtem Sinn».²

Открывая дверь, он видит человека, застывшего в полутьме коридора. Это худощавый мужчина со впалыми желтоватыми щеками и редкими седеющими волосами над высоким лбом. Глаза его за толстыми стеклами очков ясны и невозмутимы. Слегка прислонившись к деревянной обшивке, он смотрит на освещенную сцену. Мужчина поворачивается к Абелю и учтиво улыбается.

Ханс. Забавно выглядит все это со стороны, не так ли? *(Пауза.)* Мне кажется, мы знакомы. Не встречались ли мы много лет назад? Может быть, вместе выкурили нашу первую сигарету?

Абель отрицательно качает головой.

Нет? Ну а если я напомним: Амальфи, летний сезон двадцать шесть лет назад? Дома наших родителей стояли рядом. У вас была старшая сестра, одну минутку... Ребекка! Не так ли?

Абель *(качая головой)*. Будьте добры, позвольте мне пройти. Я спешу.

Ханс *(улыбаясь)*. Ну разумеется. *(Пауза.)* Абель Розенберг.

У двери Абель оборачивается и качает головой, но понимает, что уличен, и краснеет. Поэтому он чопорно кланяется и ретируется через узкий, заставленный запасный выход.

---

² Берлин, Берлин, берлинки. Берлин, Берлин с его обычным легкомыслием *(нем.)*.

На улице темно и еще холоднее, чем днем. Туман перешел в морозящий дождь со снегом, и опустевшие тротуары мрачно поблескивают в тусклом свете уличных фонарей. Абель идет быстро, чтобы не замерзнуть. Он намерен свернуть в боковую улицу, но дорогу ему преграждает группка людей, столпившихся на тротуаре. В глаза ему бросаются пятеро молодых парней в форме «нового фатерлянда». Вокруг них несколько растерянных прохожих; поодаль, спиной к толпе, замерли двое полицейских.

Абель подходит ближе. Теперь он видит, что с одним из парней в форме о чем-то ожесточенно спорит высокий мужчина в черном пальто, шляпе и очках в золотой оправе. Хорошо одетая пожилая женщина – возможно, мать говорящего – тщетно дергает его за рукав, пытаясь остановить. Человек говорит очень громко и быстро, и Абелю никак не удастся уловить, о чем идет речь. Внезапно один из парней с размаху бьет говорящего по лицу, сбивая очки и шляпу. Слышится дребезжание ведра о камни мостовой; женщине насильно всовывают в руки тряпку, мужчине – щетку.

Опустившись на колени, под надзором пяти юнцов они начинают драить тротуар.

Кто-то из парней, подцепив палкой, достает из сточной канавы собачьи колбаски. Он что-то говорит стоящему на

коленях человеку; тот медленно наклоняется вперед. На миг кажется, что он вот-вот коснется экскрементов губами; затем он качает головой и что-то кричит вслед начавшим удаляться полицейским.

Как по сигналу, начинается избиение. Зрители исчезают, словно сдутые ветром; спешит удалиться и Абель.

Его еще долго преследуют крики женщины и глухой стук дубинок по скорчившимся телам.

В поле его зрения попадает спрятавшийся в полуподвале бар. Абель вваливается внутрь и несколько мгновений ошарашенно смотрит перед собой, оказавшись в почти пустой комнате. Наконец, вспомнив о конверте с деньгами Макса, выдергивает из пачки долларовую кредитку и кладет ее на стойку.

6

В старомодном бюргерском особняке на Гёльдерлинштрассе Мануэла снимает большую комнату, до такой степени загроможденную мебелью и атрибутами быта рубежа веков, что, несмотря на размеры, кажется тесной. Абель развалился в покрытом чехлом кресле. Он вдребезги пьян.

Мануэла. Не стоит тебе возвращаться сегодня в твои мебелишки. Можешь переночевать у меня. Привстань, я сниму с тебя пальто. Сейчас приготовлю чай – настоящий чай, крепкий, горячий. Тебе полегчает.

Мануэла поднимает Абеля с кресла, стаскивает с него пальто; оно падает на пол. Обхватив ее за талию, он кладет голову ей на плечо. Едва удерживая Абеля, Мануэла ободряюще похлопывает его по спине. Все его тело сотрясают страшные, без единой слезы рыдания.

В ту же ночь – в ночь на понедельник, 5 ноября – на берегу реки в районе Трептова обнаружен и доставлен в Институт судебной медицины при главном полицейском управлении на Александерплац труп женщины. Ее половые органы обезображены рваными ранами, нанесенными посредством какого-то острого орудия (возможно, разбитой бутылки); на теле и другие следы насилия. У жертвы сломано два ребра; лицо, однако, не тронута – округлое, детское, несколько изможденное, без следов косметики, с высоким лбом и длинными, зачесанными вверх волосами. Предварительная экспертиза показала, что женщину утопили на мелководье. На ней тяжелая меховая шуба, надетая прямо на голое тело. Каких-либо документов, удостоверяющих личность убитой, не обнаружено – только обручальное кольцо, на котором выгравировано: «Макс, июль 1923».

8

В четыре часа утра Абель просыпается от стука открывающейся в соседнюю комнату двери. Охваченный внезапным страхом, он вслушивается: приближаются, затем замирают чьи-то тяжелые шаги; откуда-то доносится глухой, непонятный шум; слышно, как неподалеку поднимают, потом со стуком ставят на пол что-то тяжелое.

Мануэла (*сонно*). Это пришел человек сменить баки в туалете. Он заходит каждый понедельник около четырех.

Абель. Господи! (*Он сидит привалившись к стене, вслушиваясь в удаляющиеся звуки хлопающей двери, тяжелых шагов по винтовой лестнице, мужских голосов на тихой улице, цокающих лошадиных подков, громыхающих по камням мостовой колес.*) Из-за мамы – у нее были слабые легкие – мы ездили на лето в Амальфи. Отец в то время был послом в Копенгагене. Помню, Макс и я часто играли с мальчиком по имени Ханс Вергерус. Они были из Дюссельдорфа – его отец был там какой-то шишкой, кажется, статским советником. Наши родители частенько общались, ну а мы, дети, играли вместе. Ханс был влюблен в мою сестру. Я думаю даже, они были тайно помолвлены. Мама не любила Ханса. Если вдуматься, никто его не любил. Но все считали его гениальным. Как-то раз мы поймали и привязали кошку. Ханс выпотрошил ее – еще живую – и показал мне, как бьется ее сердце:

тук, тук, тук... Затем маленьким острым ножом он вырезал ей глаз и продемонстрировал, как зрачок реагирует на свет. Я рассказал Ребекке, что мы натворили. Она пошла прямо к Хансу и спросила, правда ли это. Он сказал, что это ложь, что кошка была дохлая и что я все навывдумывал. Странное дело, я и сам тогда почти поверил, что все это мои выдумки, – главным образом для того, чтобы ублажить Ханса. И мы продолжали дружить. Потом мама умерла, а папу перевели в другое место. А десять лет назад я столкнулся с Хансом в Гейдельберге, когда мы были там с цирком.

Мануэла. Да, я помню.

Абель. Ты не можешь помнить. Тебя там не было. Мануэла. Но я помню, как мы встретились с Хансом! Нас познакомил Макс. Ханс спешил на лекцию – он преподавал в университете. Я хорошо помню, как Макс рассмеялся и сказал: «Что-то вдруг он заспешил. Думаешь, не захотел с нами знаться?»

Абель. Нет-нет... Мне помнится, что он как раз был рад повидаться с нами, хотя и спешил. По-моему, он хотел даже пригласить нас к обеду, но нам пришлось отказаться из-за представления.

Мануэла (*зевая*). Ты путаешь, но это неважно.

Абель. Я встретил его вчера.

Мануэла. Ханса?

Абель. А ты его не видела? Он был в кабаре.

Мануэла. Нет.

Абель. Ты уверена?

Мануэла. Если б я его видела, я бы тебе сказала, разве нет?

Абель опять ложится, но сон как рукой сняло.

Слышно, как внизу проезжают автомобили: один, за ним другой, за ним еще один... Гудят водопроводные трубы. В квартире наверху кто-то проснулся и расхаживает по скрипучему паркету. Уличный фонарь, всю ночь качавшийся на ветру, озаряя комнату неверным, дрожащим светом, вдруг гаснет, и по краю разноцветной шторы протягивается светлая полоса. В прихожей гулко шлепается на пол просунутая в дверную щель газета.

Берлин пробуждается к новому дню – понедельнику, 5 ноября. Просыпаются бесчисленные жители этого обедневшего, обшарпанного города; впереди – новая безнадежность, новая тоска, новые попытки выжить.

Пронзительная фабричная сирена прорезает невозмутимость серо-стального рассвета. Первый утренний трамвай громыхает по бесконечной улице, затем со скрежетом колес и рельсов сворачивает с Гёльдерлинштрассе на широкий проспект.

Стоя у окна, Абель слегка отодвигает штору. Он смотрит вниз, на простирающуюся вдаль улицу, на стену противоположной каменной коробки, где то в одном, то в другом окне вспыхивает свет и за стеклами начинают деловито суетиться люди. На мостовой дребезжит тележка молочника, влекомая отощавшей клячей, полусонный хозяин которой дремлет на

бидонах.

Часом позже звенит будильник. Задремавший в кресле Абель обронил на пол горящую сигарету; тлея, она прожгла дыру в ковре. За ширмой Мануэла готовит на спиртовке кофе.

Мануэла. Одно из преимуществ знакомства с влиятельными людьми – то, что на завтрак можно выпить настоящего кофе. Я уже разожгла плиту; она скоро разогреется. Кувшин я поставила на кафель; пока соберешься умыться, вода согреется.

Абель. Дровами тебя тоже снабжают по знакомству? Мануэла. Вообще говоря, я знаю одного поставщика. Но поскольку на маслобойне я ни с кем не знакома, придется тебе обойтись джемом, а уж он-то на девяносто процентов эрзац, в этом можешь не сомневаться.

Абель. Не забыть бы – я должен тебе доллар. Мануэла. Да брось ты.

Абель. Слушай, забери лучше деньги сейчас, пока я все их не пропил.

Мануэла. Ты много пьешь?

Абель. Когда есть на что.

Мануэла (*с удивлением*). Так. Значит, ты не собираешься возвращаться в цирк?

Абель. Без Макса? Какой смысл?

Мануэла. Нам, разумеется, надо подыскать нового партнера.

Абель. Ты не хуже меня знаешь, что это невозможно.

Мануэла. Совершенно в этом не уверена. *(Пауза.)* Ну, тогда нам надо придумать новый номер – для нас двоих. Скажем, с собаками. Эксцентрический номер на трапеции; представляешь – четыре дрессированные таксы и мы. Мы раскачиваемся вниз головой, а собаки пролетают между нами, хлопая ушами.

Абель. Очень остроумно.

Мануэла. Можно изобрести тысячу трюков; стоит только захотеть. А почему бы нам всерьез не заняться показом фокусов? Я знакома с прекрасным иллюзионистом, он сейчас отошел от дел – Маркус, ты его знаешь. Он живет в Лихтерфельде. Мы могли бы возобновить его программу.

Абель. Не знаю. Вся эта история с Максом... *(Голос его срывается. Он смотрит на свою руку, машинально крошащую хлеб. Снова и снова Абель пытается что-то сказать, но лишь качает головой, судорожно моргая покрасневшими веками.)*

Мануэла. С того момента, как я встретила Макса, ты стал мне старшим братом. Нам надо держаться вместе.

Абель *(с трудом подбирая слова)*. Такое ощущение, будто только что очнулся от страшного сна и понял, что действительность еще страшнее, чем сон.

Мануэла *(с удивлением)*. Но, Абель, дорогой, мыто живы!

Все наше при нас.

Абель. Не могу понять, что происходит. Вчера вечером я видел, как избивали человека. А полицейские просто повернулись спиной.

Мануэла. Абель, милый, послушай меня, пожалуйста. Ты очень переутомлен, в последнее время слишком много пил. Теперь я возьмусь за тебя, и через несколько дней ты почувствуешь себя лучше, вот увидишь. Мы все обдумаем и обговорим, а сейчас мне надо бежать, не то на работу опоздаю.

Абель (*озадачен*). На работу?

Мануэла. Я работаю еще в одном месте.

Абель. В такое-то время дня?

Мануэла. Да. Именно в это время. И мне нельзя опаздывать.

Абель. Что же это за место?

Мануэла. Да я толком не знаю. Понимаешь, оно засекречено.

Абель. Засекречено?

Мануэла. Я шучу. Я работаю в одной конторе. Наклеиваю на конверты марки и исполняю обязанности курьера.

Абель. А что за контора?

Мануэла. Что-то связанное с импортом и экспортом. Я, правда, точно не знаю.

Абель. А как она называется?

Мануэла. Как же ее, черт возьми... «Феркель». «Феркель и сын».

Абель. Где это?

Мануэла. На Бауэрштрассе. В маленьком переулке у скотобоен. Ты меня допрашиваешь, как ревнивый муж. *(Мануэла смеется и треплет Абеля по щеке. Встает и начинает суетливо убирать со стола.)* Ты брат своего брата, ничего не попишешь. Вот так и Макс всегда все из меня вытягивал.

Абель. Оставь, я вымою посуду и приберу; по крайней мере, будет чем заняться. Собирайся, ты же спешишь. Мануэла. Я вернусь около двух, тогда и пообедаем. Постарайся раздобыть мяса, раз у нас есть деньги. Абель. Сорок девять долларов.

Мануэла. Господи, целое состояние! *(Она быстро умывается и одевается, натягивает на каштановые волосы шляпку, набрасывает на плечи пальто, проверяет содержимое кошелек, затягивает ремешки на туфлях, удостоверется, что швы на чулках сидят ровно, красит губы – все молниеносно.)* Слышишь? Это мой трамвай. Если бегом, то успею. Мы выкрутимся, выкрутимся, вот увидишь.

И она исчезает. Абель стоит с пачкой ассигнаций в руке, затем принимается расхаживать по комнате. Останавливается у большого стола перед окном.

Медленно и методично исследует он один ящик за другим. Искать долго не приходится. В металлической коробке, заваленной тысячью разных мелочей, он обнаруживает небольшую пачку долларовых бумажек.

Абель поспешно одевается, накидывает все то же старое

летнее пальто, от которого оторвалась еще одна пуговица. Крадучись идет по длинному коридору; мимоходом замечает большую кухню, где завтракают две девушки; оказывается перед входной дверью и собирается как можно беззвучнее открыть ее, кто-то слабым голосом окликает его.

Голос. Герр Розенберг!

Абель. Да?

Голос. Будьте добры, зайдите ко мне на минутку. Одна из дверей в прихожую полуоткрыта; солнечный луч скользит по ковру и стертому паркету. Абель осторожно открывает дверь и входит в большую комнату с окном-фонарем и сводчатым потолком, украшенным гипсовым лепным орнаментом. У стены – застеленная дорогим покрывалом двуспальная кровать. Эта комната тоже до отказа набита старомодной мебелью, картинами и прочими атрибутами комфортабельного быта. Несмотря на солнечный день, в ней царит полумрак: тяжелые занавеси на окнах лишь слегка раздвинуты.

Хозяйку дома – маленькую старушку – почти не видно за высокой спинкой кресла. Ее сгорбленная фигура медленно выступает из тени. На ней длинный халат старомодного покроя. Серебристые волосы туго собраны в пучок на затылке; лицо округлое, гладкое, почти румяное; серые глаза за толстыми стеклами очков кажутся еще больше; сутулая спина и горб с правой стороны уродуют ее худое тело.

Фрау Холле. Меня зовут фрау Холле. Я квартирная хозяйка Мануэлы. *(Она протягивает ему тонкую, изящно вы-*

лепленную руку, сухую, но холодную. Абель кланяется.) Перед уходом Мануэла забежала и сказала мне о вас. Вы можете ненадолго остановиться у меня: ее соседка по комнате на пару недель уехала в Италию. Извините, я прилягу. От этих внезапных перемен погоды у меня так спина болит. И все же приятно, что в ноябре проглядывает солнышко, не правда ли, герр Розенберг? *(Подложив под ноющую спину гору подушек, фрау Холле располагается на огромной кровати и набрасывает на ноги плед.)* Не желаете ли рюмочку хереса? Возьмите сами в буфете. Нет, не в этом, в другом. Да, здесь. Видите справа хрустальный графинчик? Да, этот. Достаньте два бокала. Пожалуй, я тоже выпью капельку. Благодарю вас, герр Розенберг. Ваше здоровье!

Они пьют. Фрау Холле разглядывает на свет грани красивого хрустального бокала.

Я очень привязалась к Мануэле. Разумеется, коль скоро вы ее деверь, вы знаете ее лучше меня. Но, должна сказать, ваша невестка – весьма незаурядная молодая особа. С вашего позволения, замечу, что я люблю ее как родную дочь.

Серые глаза за стеклами очков вперяются в Абеля, и он замечает оттенок страха на бледном лице фрау Холле! Она так добра и наивна. Все ужасы, что творятся кругом, для нее словно не существуют. *(Пауза.)* Как бы с вашей невесткой беды не случилось, герр Розенберг.

Абель. Я не заметил ничего такого...

Фрау Холле. Ведь она – и это самое поразительное в Ма-

нуэле – совершенно не способна защитить себя. Вы понимаете, что я имею в виду? *(Пауза.)* Нельзя допустить, чтобы с ней приключилось что-нибудь дурное.

Абель. Я буду по мере сил приглядывать за ней.

Фрау Холле. Взять хотя бы ее новую работу. Что-то меня сомнение берет. «Общество церковной демократии» – что это такое, герр Розенберг? Ведь оно даже в телефонном справочнике не значится. *(Пауза.)* Для меня не секрет, что прежде у нее и ее подруги то и дело появлялись новые знакомые. Я почти примирилась с этим. А теперь я и понятия не имею, во что она впуталась. И меня это тревожит. Абель. Мне пора идти, фрау Холле. Кстати, сколько я должен за квартиру? Может быть, вы предпочитаете получить вперед?

Фрау Холле. Это не имеет значения, но если вы при деньгах, я не возражаю. Я бедная вдова. Пенсия за моего мужа невелика. У вас доллары, не так ли? Скажем, десять долларов в месяц? Или это слишком много?

Абель. Я положу деньги сюда, на поднос, хорошо? Вынимает десятидолларовую кредитку, кладет ее под пустой бокал и поднимается. Но пожилая дама жестом останавливает его.

Фрау Холле. Вы недавно плакали?

Абель. Нет. А что?

Фрау Холле. Просто мне показалось, что вы плакали. Извините меня.

Абель. До свиданья, фрау Холле.

Фрау Холле. Заглядывайте как-нибудь поболтать. Из-за этих болей мне трудно двигаться. Я даже не хожу на концерты в старый Оперный театр, хотя это совсем недалеко. До свиданья, герр Розенберг, присматривайте за вашей невесткой.

Абель еще раз кланяется и уходит. Выйдя на улицу, он догоняет переполненный трамвай и прыгает, пристраиваясь на задней площадке.

За маленькой конторкой в привратницкой фрау Хемзе углубилась в счета. Завидев в дверях Абеля, она тут же устремляется ему навстречу.

Фрау Хемзе. В вашей с братом комнате – полиция. Нам даже прибрать не позволили после этого жуткого...

Абель бормочет донельзя возбужденной фрау Хемзе что-то успокоительное и взбегает наверх. Дверь его комнаты открыта. Посредине с потухшей сигарой во рту стоит инспектор Бауэр. На подоконник присел полицейский в штатском.

Бауэр. Доброе утро, герр Розенберг. Мы ожидали вас. Могу я поинтересоваться, где вы были всю ночь?

Абель. Я не мог спать в этой комнате.

Бауэр. Понимаю. Но вы могли бы сообщить фрау Хемзе, куда направляетесь. Где вы были?

Абель. У моей невестки.

Бауэр. Она проживает на Гельдерлинштрассе, тридцать пять, не так ли?

Абель. Да, думаю, что так.

Бауэр. Думаете?

Абель (*нервно*). Я думаю, это номер тридцать пять. Бауэр. Ну, теперь вы знаете.

Абель. Я могу собрать вещи?

Бауэр. Весьма сожалею. Пока нет.

Абель. М-да. (*Садится.*)

Бауэр. Я должен просить вас отправиться с нами в морг. Нужно опознать труп девушки.

Абель (*испуганно*). Это необходимо?

Бауэр (*официальным тоном*). Боюсь, что я вынужден настаивать.

Абель. Ну что ж, пойдёмте.

В морге их сопровождают два молодых человека в перепачканных белых халатах. Они спускаются на несколько этажей в просторном лифте с дверьми по обе стороны кабины. Бауэр подносит спичку к своей потухшей сигаре. Не проронивший ни слова коллега следует его примеру. Инспектор предлагает сигарету Абелью. Тот отказывается.

Бауэр. В мертвецкой рекомендую курить. Это помогает.

Наконец лифт достигает подвального этажа. Они выходят из кабины и бредут по длинному коридору, выкрашенному в зеленое и освещенному лампами резко-желтого цвета. Все ощутимее запах формалина и разлагающихся трупов. Мужчина в белом отпирает широкую железную дверь, помеченную буквой и цифрой. Вошедшие оказываются в очень большой, выложенной кафелем комнате, к потолку которой подвешено несколько сильных ламп. В центре ее – ряд длинных деревянных столов с желобами по краям. Вдоль стен – больничные тележки на колесах. На каждой лежит тело, накрытое грязной простыней. Двое в белом разворачивают и молча изучают лист бумаги с машинописным текстом. Затем один

подходит к тележке, сверяет цифру на бирке, привязанной к лодыжке трупа, выкатывает тележку на середину комнаты и открывает обнаженное женское тело.

Бауэр. Вы узнаете эту девушку?

Абель. Да.

Бауэр. Кто она?

Абель. Грете Хофер.

Бауэр. Вы были с ней знакомы?

Абель. Она была обручена с моим братом.

Бауэр. Когда вы видели ее в последний раз?

Абель. Неделю назад.

Бауэр. Ваш брат был в хороших отношениях с...

Абель. Да, думаю, что да.

Бауэр. Над фройляйн Хофер было совершено насилие.

Кроме того, каким-то острым предметом – возможно, разбитой бутылкой – ей нанесли тяжелые повреждения в области половых органов. Затем ее утопили.

Бауэр делает знак людям в белом накрыть тело. Проделав это, они откатывают тележку обратно к стене, но тотчас же выдвигают на середину комнаты другую. Простыню снимают; под ней – труп мужчины, уже обнаруживающий первые признаки разложения.

Вы узнаете этого человека?

Абель (*с усилием*). Нет, не узнаю.

Бауэр. Вы совершенно в этом уверены?

Абель. Нет.

Бауэр. Подумайте как следует, герр Розенберг. Это важно. Абель. Он мне кого-то напоминает.

Бауэр. Кого же?

Абель (*беспомощно*). Моего отца.

Бауэр. Подумайте еще раз.

Абель. Это все, что мне приходит в голову. Он похож на моего отца, умершего пять лет назад.

Бауэр. Этот человек был умерщвлен посредством введения в сердце очень тонкой иглы. В левое предсердие была впрыснута некая жидкость – яд, который, должно быть, вызвал у жертвы жуткие конвульсии до наступления смерти, последовавшей, видимо, лишь несколько часов спустя. Итак, вы никогда не видели этого человека?

Абель качает головой.

Бауэр (*людям в белом*). Уберите его, пожалуйста.

Двое мужчин накрывают труп и отодвигают тележку, но вслед за этим немедленно выкатывают еще одну. Простыню снимают. Перед Абелем – женщина средних лет с печальным лицом и крайне истощенным телом.

Вы видели эту женщину раньше?

Абель. Да.

Бауэр. Кто она?

Абель. Не знаю. Но я ее видел.

Бауэр. Где вы ее видели?

Абель (*с мукой в голосе*). Мне кажется, она разносила газеты. Я не раз сталкивался с ней у фрау Хемзе. Однажды,

когда я был слишком пьян, чтобы добраться к себе без посторонней помощи, она довела меня до моей комнаты.

Бауэр. Ее звали Мария Штерн.

Абель. Этого я не знал.

Бауэр. Она повесилась в подвале, где проживала с мужем и двумя детьми. При этом она оставила очень странное письмо, неразборчивое и крайне невразумительное. Из письма следовало, что она чем-то до смерти напугана и что боль стала невыносимой. Абель поднимает глаза на Бауэра, который отвечает ему невозмутимым взглядом, попыхивая сигарой.

Абель. Боюсь, больше я не вынесу.

Бауэр. С вашего позволения, еще минуту.

Тем временем труп Марии Штерн уже откатали в сторону и на середину выдвинули другое тело. Это тело мальчика лет шестнадцати. Его грудная клетка вдавлена внутрь, а горло рассечено до самого позвоночника. Темные глаза раскрыты, курчавые черные волосы слиплись от крови, лоб разбит вдребезги.

Вы когда-нибудь видели этого юношу?

Абель. Нет.

Бауэр. Он был осветителем в кабаре «У голубого осла». Вы никогда не встречали его там?

Абель. Нет.

Бауэр. Странно.

Абель. Я очень редко бывал в этом заведении.

Бауэр. Обычно он стоял у самого входа, возле софита, ко-

торый направлял на исполнителей. Вы должны были видеть его.

Абель. Да. (*Шепотом.*) Возможно.

Бауэр. Его звали Йозеф Бирнбаум.

Абель не отвечает.

Мы не можем сказать с уверенностью, как его убили. Похоже, его переехал тяжелый грузовик, но есть основания подозревать, что перед этим он подвергся насилию или пыткам.

Абель. Зачем вы мне все это показываете?

Бауэр. За последний месяц произошло семь необъяснимых смертей. В вашем непосредственном окружении, герр Розенберг.

Абель. Но не подозреваете же вы меня?

Бауэр. Зайдемте ко мне в кабинет, я дам вам чего-нибудь подкрепиться.

Бауэр отпирает дверь в свой кабинет – тесную, выдавшую виды, скудно обставленную комнатку с пропыленными занавесками. Окно ее выходит во внутренний двор, на противоположной стене которого виден ряд зарешеченных окон. Сняв пальто, инспектор набрасывает рабочий альпаковый пиджак с заплатами на локтях. Молчаливый полицейский в штатском устроился на стуле у двери.

Бауэр. Садитесь, Розенберг. Хотите кофе? Правда, его вряд ли можно назвать кофе, но все же это лучше, чем ничего.

Через дверь он приказывает кому-то принести три чашки кофе с сухариками, если найдутся. Затем садится за стол, вновь поднимается и присаживается на стул против Абеля, чуть ли не вплотную к нему. В комнату входит фройляйн Дорстс небольшим подносом в руках, на котором три чашки с мутной черной жидкостью и желтая металлическая корзиночка с сухарями. Она негромко осведомляется, остаться ли ей в кабинете или подождать в приемной. Бауэр просит ее посидеть в приемной; в случае надобности он ее позовет. Уже вдогонку он спрашивает ее, нет ли известий от инспектора Ломана. Ответ отрицательный.

Пейте ваш кофе, Розенберг.

Абель молча повинуется.

Черт, и жарница же здесь! То подыхаешь от холода, то впо-
ру прямо на стене яичницу поджаривать.

Абель не откликается.

Не очень-то мы разговорчивы, правда, Розенберг?

Абель пожимает плечами.

Вы можете описать, где были и что делали вечером в вос-
кресенье, двадцать восьмого октября?

Абель отрицательно качает головой.

Стало быть, не можете.

Абель. Я пил. Спросите меня, к примеру, что я делал в
пятницу, девятнадцатого октября, и я вам отвечу то же: пил.
С тех пор как мы ушли из цирка, я напивался каждый вечер.
Случалось, я набирался с самого утра, случалось, с обеда, но
по вечерам – всегда. Не помню, что со мной творилось в эти
вечера. Они все слились в один – знаете, как на недопрояв-
ленной пленке.

Бауэр. И все-таки что же на пленке?

Абель. Чаще всего – шлюхи. Голые и занятые своим де-
лом. Вы хотите знать, как я мог позволить себе и то и другое
– шлюх и выпивку? Ну, у меня ведь кое-что припасено на
черный день. Наша труппа пользовалась известностью, и мы
хорошо зарабатывали.

Бауэр. Все это как-то не вяжется.

Абель не отвечает.

Коль скоро вы были широко известным трио с неплохим
заработком и хорошей репутацией, с чего бы это вы вдруг

начали пить, уйдя из цирка?

Абель не отвечает.

Я буду признателен, если вы ответите на мой вопрос.

Абель. Я – алкоголик. *(Он принужденно улыбается.)*

Бауэр. Знаменитый гимнаст на трапеции – алкоголик?

Полно, не разыгрывайте меня.

Абель. Может быть, мне было не по себе в вашем прекрасном городе?

Бауэр садится за стол, что-то ищет среди бумаг и папок с делами, находит то, что искал, и принимается строчить скрипучим пером. Долгое молчание. Абель охватывает страх, и он начинает расхаживать взад и вперед по комнате.

Бауэр. Сядьте, Розенберг.

Абель *(сидясь)*. Почему вы держите меня здесь?

Бауэр. Я думал, вы сможете помочь мне отыскать ключ к загадке семи неясных смертей.

Абель. Я? Но каким образом?

Бауэр. О, кто знает?...

Абель. И какой в этом смысл?...

Бауэр. Что вы хотите сказать, Розенберг?

Абель. Не сегодня-завтра развернется пропасть и вообще всему наступит конец. Зачем же так суетиться по поводу нескольких случайных, ничего не значащих смертей?

Бауэр. Я отвечу вам, Розенберг. Я делаю это ради самого себя. Мне не хуже вашего известно, что через каких-то несколько часов всем нам может прийти конец. Люди голо-

дают. Обменный курс доллара, говорят, достиг пяти миллиардов марок. Французы оккупировали Рур. Мы только что выплатили победителям миллиард золотом. На каждой проклятой фабрике засели большевистские агитаторы. В Мюнхене некий герр Гитлер, с тысячами оголодавших ветеранов и психов в военной форме, готовит путч. Наше правительство топчется на месте, не зная, что предпринять, в какую сторону повернуться. Завтра или, может быть, послезавтра разразится катастрофа, и мы захлебнемся в крови, если только не сгорим до того в пламени. Всех трясет в лихорадке. Меня тоже – по ночам я не могу заснуть от страха. Единственное, что сейчас точно и безошибочно, – это страх. В пятницу я собрался было в Штеттин – хотел навестить мою престарелую матушку, которой в этом году будет восемьдесят, – но оказалось, что *расписания поездов больше нет*. На путях стоял поезд, который, возможно, в конце концов *пошел бы*, но отнюдь не по расписанию. Вообразите Германию без расписания поездов, Розенберг! Так что же, спрашивается, делать в этом хаосе страхов, своих и чужих? Что делать в атмосфере кошмара, который оказывается реальностью? Инспектор Бауэр неукоснительно исполняет свои обязанности. Он пытается создать маленький островок логики и порядка в океане всеобщего распада. И он не одинок, Розенберг. Миллионы и миллионы мелких чиновников по всей Германии, столь же напуганных и столь же незначительных, рассуждают в точности так же. Час за часом мы притворяемся, что

мир нормален. Каждое утро в четверть восьмого мы садимся диктовать ничего не значащее письмо какой-нибудь фройляйн Дорст, а та знает, что письмо ничего не значит, и что никто не станет его читать, и что, вполне возможно, и она сама и это письмо сгорят в пламени еще до того, как, согласно правилам, оно будет отпечатано в пяти экземплярах.

Вы вот, Розенберг, вы каждый день напиваетесь. Это тоже выход из положения, хотя лично я предпочел бы, чтобы вы раскачивались на трапедии вместе с вашими собратьями по ремеслу – это куда более эффективный способ побеждать ваши страхи. Итак, теперь вам ясно, почему я сижу здесь, расследуя нечто, что представляется мне крайне странным, чтобы не сказать страшным. А сейчас прошу вас пару минут посидеть тихо: мне надо черкнуть несколько строк инспектору Ломану, который распутывает другое дело – на первый взгляд тоже невероятное. Чуть попозже мы вернемся к нашему разговору, Розенберг. Я скоро кончу.

Абель. В чем вы меня подозреваете?

Бауэр, не отвечая, скрипит пером по бумаге.

Разве я не имею права на адвоката?

Бауэр (*не отрываясь*). Это беседа, а не допрос.

Абель. Вы издеваетесь надо мной.

Бауэр пишет.

Вы стараетесь запугать меня.

Бауэр пишет.

Скажите же что-нибудь, черт побери!

Бауэр. Пейте ваш кофе и помолчите.

Тревога Абеля растет. Он машинально берется за кофейную чашку, но тут же со стуком ставит ее обратно. Тянется за сигаретой в карман пальто, но не находит ее.

Абель. Я хочу сигарету.

Бауэр пишет.

Я знаю, почему вы стремитесь запугать меня. Вы травите меня потому, что я еврей.

Бауэр бросает на него мимолетный взгляд, улыбается, продолжает скрипеть пером.

И вдруг Абель начинает кричать. Это происходит совершенно неожиданно. Он кричит, изо всех сил напрягая голосовые связки, потом столь же внезапно на несколько секунд умолкает и сидит неподвижно, закрыв лицо руками. Затем с новым криком, разрывающим его стиснутые губы, кидается к двери. Полицейский в штатском, преградив Абелью дорогу, отбрасывает его к стене. Поднявшийся из-за стола Бауэр подходит к нему, но немедленно получает удар в лицо и падает на стул. Демонстрируя незаурядную ловкость, Абель делает еще один бросок к двери, сбивая с ног полицейского; ему удается распахнуть дверь. В приемной творится нечто неопишное: фройляйн Дорст пронзительно визжит, трое полицейских выскакивают из-за столов. Абель перемахивает через барьер и бежит по коридору – всего лишь для того, чтобы наткнуться на запертую решетчатую дверь. Тут преследователи настигают его, и один из них бьет его дубин-

кой по голове. Абель дерется как одержимый. Оглушенный вторым ударом, он оседает на пол, продолжая издавать отчаянные нечленораздельные крики; после третьего, отяжелев и обессилев, смолкает. Его переворачивают лицом вниз и связывают по рукам и ногам.

Он приходит в себя, лежа на деревянных нарах в камере, одна сторона которой сплошь зарешечена. Садится; его тут же сотрясает сильнейший приступ рвоты. У него раскалывается голова; пытаясь дотащиться до раковины, он теряет равновесие. Наконец ему удается открыть кран.

Из трубы исходят хрип и урчание, но не проливается ни капли воды.

По другую сторону решетки, невозмутимо взирая на Абе-ля, стоит полицейский. Абель пытается сказать ему, что его мучит жажда. Полицейский отвечает что-то по-немецки и качает головой. Абель делает еще одну попытку, но тщетно: его горло распухло от недавних воплей; слышен лишь шепот. Полицейский еще раз качает головой и отходит.

Ближе к вечеру дверь камеры отворяется, и полицейский по-немецки уведомляет Абеля, что к нему пришла посетительница. Абель не понимает, чего от него хотят, и полицейский жестом приказывает ему следовать за ним. Они входят в квадратную комнату с зарешеченным окном под самым потолком. В центре ее – деревянный стол; по сторонам два стула.

Здесь Мануэла. Увидев Абеля, она вскакивает и устремляется к нему, но полицейский указывает ей на стул. Справа за дверью сидит женщина в полицейской форме.

Женщина в форме. Я нахожусь здесь, поскольку я говорю по-английски. Если вы скажете или сделаете что-либо идущее вразрез с правилами, я уполномочена немедленно прекратить свидание, и герра Розенберга отведут обратно в камеру. Вам разрешается курить. В вашем распоряжении десять минут. Мануэла. Ты весь в синяках.

Абель. Неважно.

Мануэла. Я разговаривала с инспектором Бауэром. Он проявил доброту и понимание.

Абель. М-да.

Мануэла. Он сказал, что хочет помочь тебе.

Абель смотрит на нее.

Он сказал, что ты вдруг принялся вопить и драться.

По его словам, ты словно взбесился.

Абель. Что случилось, Мануэла?

Мануэла. Со мной?

Абель. Ты странно выглядишь.

Мануэла. Да? Что ты имеешь в виду?

Абель. Ты выглядишь, как будто у тебя жар.

Мануэла. В самом деле? *(Она достает маленькое зеркальце и внимательно оглядывает себя. Затем смеется и приглаживает челку.)*

Абель. У тебя странный взгляд.

Мануэла. Просто я обеспокоена.

Абель. Чем?

Мануэла. У меня украли мои сбережения.

Абель. Да ну?

Мануэла. Ты, разумеется, не знаешь, куда они делись?

Абель. Я не знал, что у тебя были сбережения.

Мануэла. Как бы то ни было, их уже нет.

Абель. Хорошо еще, что деньги Макса у меня.

Мануэла. Вот в том-то и дело.

Абель. В чем?

Мануэла. Инспектор Бауэр сказал, что, когда тебя обыскивали, нашли деньги Макса. Держать доллары запрещено законом, ты не знал этого?

Абель. Нет.

Мануэла. Бауэр спросил меня, не знаю ли я, откуда у Макса появились эти деньги.

Абель. Ну и?...

Мануэла. Я сказала, что это наши общие сбережения. Вместе с цирком мы были в Швейцарии, и там многие перевели свой заработок в доллары, готовясь к турне по Германии. Никто же не знал, что здесь такие порядки.

Абель. Как ты думаешь, кто украл твои деньги?

Мануэла. Что ты сказал?

Абель. Мануэла!

Мануэла. Да?

Абель. Ты меня не слушаешь.

Мануэла. Одну минутку... *(Она сидит с закрытыми глазами. Лоб и щеки Мануэлы пылают как в лихорадке; над верхней губой выступили капельки пота.)*

Абель. Да тебе плохо! *(Обращаясь к женщине в полицейской форме.)* Ей плохо.

Женщина поднимается и подходит к Мануэле. Она отряхивает полицейского за стаканом воды и настойчиво осведомляется, как себя чувствует фрау Розенберг, не желает ли фрау Розенберг прилечь.

Мануэла, с закрытыми глазами, качает головой.

Полицейский возвращается с жестяной кружкой в руке. Мануэла пьет Миленькими, осторожными глотками. Тошнота медленно отступает, и она открывает глаза. Какое-то время она не вполне понимает, где находится. Но сознание тут же возвращается к ней, и на ее лице появляется виноватая улыбка.

Мануэла. Спасибо, все в порядке. Мне гораздо лучше. Просто я целый день не ела и переволновалась... *(Она кладет руки ладонями на стол и долго, сосредоточенно разглядывает их.)*

Женщина в форме. Напоминаю, что у вас осталось только две минуты.

Абель. Мануэла?

Мануэла. Да, герр Розенберг?

Абель. Что ты сегодня делала?

Мануэла. Была в своей конторе, затем вернулась домой, чтобы вместе с тобой пообедать. Достала кусок мяса у знакомого мясника. Пока дожидалась тебя, появился Бауэр и просидел у меня по крайней мере полчаса. Потом мне пришлось зайти в кабаре – вернуть платье, которое я одалживала у Эльзы. Затем села на трамвай и приехала сюда.

Абель. Эта твоя контора...

Мануэла. Да, так что насчет конторы?

Абель. Она занимается экспортом и импортом или чем-то связанным с церковью? Или ни тем, ни другим? Мануэла. По утрам я работаю в публичном доме. Насколько мне известно, это не запрещено. И позволь тебе заметить, это очень respectable публичный дом. Туда ходят только дипломаты, директора компаний и знаменитые актеры, так что это заведение высшего класса, если хочешь знать. *(С жалким выражением.)* Болван.

Дверь открывается, и в комнату входит инспектор Бауэр.

Он вежливо приветствует Мануэлу, кивает Абелью, присаживается и, сцепив руки вместе, секунду молчит.

Бауэр. Я намерен отпустить вас, герр Розенберг, несмотря на грубую выходку, которую вы себе позволили по отношению ко мне и моим коллегам. Черт побери, какую ловкость вы нам продемонстрировали! Но в конце концов на то вы и акробат. *(Пауза.)* Какя уже сказал, я намерен отпустить вас. По части неприятных последствий можете не волноваться. Мы обговорили это между собой и пришли к мнению, что всему виной ваши нервы. Будем считать инцидент исчерпанным. *(Бауэр прочищает горло, глядя в окно, за которым уже стемнело. Затем в упор смотрит на Абелья, буквально сверля его взглядом.)*

Абель. Что вы на меня так смотрите?

Бауэр. Не смотрю. Думаю.

Абель. Хм.

Бауэр. Думаю, стоит ли говорить вам, о чем я думаю. Нет, пожалуй, не стоит.

Абель. Как угодно.

Бауэр. Так что пока давайте попрощаемся.

Абель. До свидания.

Бауэр. Наша сотрудница проводит вас в камеру хранения, где вы сможете забрать свои вещи. Что касается долларов, принадлежавших вашему брату, то они пока останутся у нас. Разумеется, мы выдадим вам расписку. Всего доброго, герр Розенберг. Всего доброго, уважаемая фрау.

Пять часов тридцать минут того же дня.

Ржавый, лязгающий по рельсам трамвай битком набит сидящими, стоящими, вцепившимися в стропы ремней людьми, которые разъезжаются по домам после рабочего дня. В тусклом, мерцающем свете качающиеся в такт движению тела с безразличными, стертыми лицами походят на марионеток. В перегретом вагоне не продохнуть от сырой одежды и грязи.

Абель и Мануэла сидят, зажатые в угол за передней площадкой. Оба усталые и молчаливые. Абель держит Мануэлу за руку. Они только что заплатили за проезд; подтверждением тому – маленький обрывок бумажной ленты с перфорацией.

Внезапно в дальнем конце вагона возникает суматоха.

Какой-то человек вскарабкался на сиденье. Он очень тучен, и его лицо побагровело. Кто-то из пассажиров пытается стянуть его вниз; остальные не дают ему это сделать.

Человек на сиденье (*выкрикивает*). Вот здесь, в этой газете, написано, что сказал Адольф Гитлер своему народу: «Наконец наступил день, в предвосхищении которого создавалось наше движение. Наступил час, в ожидании которого мы боролись долгие годы. Наступил момент, когда национал-социализм начнет свой триумфальный марш во спасение Гер-

мании. Наше движение было создано, чтобы в годину острой смуты оказать ей величайшую помощь. Ныне, когда нация с ужасом взирает на надвигающееся красное чудовище – зловонную еврейскую гидру, – наше движение принесет ей избавление».

Чей-то голос предлагает ему заткнуться. Внезапно трамвай резко тормозит, и потерявший равновесие толстяк падает и исчезает в толпе. Слышатся смех, шиканье, громкие протестующие голоса. Кто-то вопит.

Абель. Что он говорил?

Мануэла. Он читал речь, которую только что произнес некто по имени Гитлер. Этот Гитлер сказал, что час пробил, что ко всем запуганным снизойдет спасение, что их спасет он – он и его движение.

В изразцовой печи весело поблескивает огонь; в комнате тепло. Мануэла и Абель зажгли даже пару свечей. Покончив с едой и питьем, они сидят за столом. Из трубы граммофона льются звуки модного танго. За чашкой кофе – крепкого и натурального – оба попыхивают маленькими сигарками.

Мануэла. А помнишь, как мы застряли в Дамаске и как мы оба – Макс и я – заболели желтухой?

Абель. Ну и что?...

Мануэла. Нам тогда чертовски не везло.

Абель. Да, помню.

Мануэла. А помнишь, что в тот раз сделал Макс?

Абель. Нет. А что он, собственно, сделал?

Мануэла. Сейчас я попробую сделать то же самое. Берем лист бумаги и делим на две колонки. Вверху одной пишем: «Хорошо», вверху другой: «Плохо». Начнем со всего, что плохо. Потом подумаем о том, что хорошо. Улавливаешь? Нечего тебе усмехаться. Ну давай, Абель. Что плохо? Много чего. Мы ушли из цирка. Макса больше нет. Нас обокрали. На душе у тебя кошки скребут, хотя ты и сам не понимаешь почему. На дворе ноябрь. Если мы заплатим за квартиру, нам не хватит на еду. Если оставим деньги на еду, нечем будет платить за квартиру. Что еще плохо? Люди вокруг потеряли надежду. Это заразительно. Каждый сегодня боится,

что его убьют, что убьют его детей, женщины боятся, что их будут пытаться, насиловать... Все это в колонку «плохо». А теперь хорошее. Хорошо, что мы вместе и что мы заплатили за квартиру вперед – за весь ноябрь. Это очень хорошо. Я добуду у знакомого поставщика еще дров, так что мы не умрем от холода, – это тоже хорошо. У меня есть работа – это самое лучшее. Поскольку за квартиру заплачено, мы сможем весь ноябрь сводить концы с концами. Что еще хорошего? *(Пауза.)* Может, он тоже не так уж плох, этот Гитлер, о котором кругом столько говорят? Хотя, конечно, такие, как ты, ему не по нутру, ведь ты еврей. Нет, придется нам вычеркнуть Гитлера из колонки «хорошо». Не пойму, с чего это вдруг евреи стали во всем виноваты.

Абель. Я скажу тебе с чего. У евреев – тугая мошна. Они выжимают все соки из тех, кто попроще. Во всем мире они держатся друг за друга, сосредоточив у себя все, что простые люди откладывали годами. А поскольку евреи наложили лапу на всю деньгу, какая только есть, они и хозяева. Все прочие оказываются у них в услужении. Всюду евреи обжуливают простодушных, добрых, честных трудяг. И в конце концов те приходят в отчаяние и начинают их ненавидеть. Чего проще, а? Ведь стоит самому обыкновенному человеку завидеть еврея, как его подмывает пристукнуть его. Тоже понятно? Даже мне это понятно, а ведь я сам еврей. Евреи – это яд, болезнь, извращение природы, их надо искоренить. В ту колонку, куда у тебя занесено все плохое, можешь припи-

сать, что Берлин кишит евреями – мужчинами, женщинами, детьми. И вот что я еще тебе скажу, Мануэла, хотя тебе этого и не понять: здешняя фрау Холле – она тоже еврейка. Едва поглядев на меня, она уже знает, что мне не везет, что я без работы, что мне податься некуда. Она видит меня насквозь, и меня это пугает. Она прознала также – черт знает откуда, – что в кармане у меня доллары. И вот она вытягивает из меня несколько долларов, а я ненавижу ее за это и думаю про себя: «Ах ты мерзкая горбатая жидовка, удавить бы тебя!» Все время она щебечет о том, что ты чудесное создание, что ей тебя до слез жаль и что тебе до беды недалеко. И тут же принимается угрожать мне, потому что хочет сохранить тебя для себя, а я оказался между нею и тобой. Потому она и сдирает с меня непомерную квартплату, а я стою перед ней как дурак. Мы оба – евреи, и мы ненавидим друг друга и ущемляем друг друга; а приди завтра кто-нибудь и прирежь нас обоих, так ему еще спасибо скажут. И вот что я тебе еще скажу: я – еврей, чья совесть нечиста. Может, я и в самом деле паразитирую на других, может, я и в самом деле проклятый извращенец? Может, и правда то, в чем нас обвиняют? Где-то глубоко во мне гнездится червь сомнения, против которого я бессилен. Меня так и подмывает подойти к какому-нибудь дюжему, непробиваемо тупому немецкому полицейскому и сказать: «Будьте добры, задайте мне хорошенько, всыпьте мне по первое число, накажите меня, если нужно, убейте меня. Но накажите меня так, чтобы я наконец изба-

вился от страха, терзающего меня день и ночь. Врежьте мне так, чтобы я по-настоящему почувствовал, что такое боль. Ведь все равно в ней не будет и половины той боли, с которой я вынужден жить изо дня в день». Так что, видишь, и весь мазохизм-то мой самого что ни на есть еврейского свойства.

Одиннадцать тридцать вечера в понедельник, 5 ноября. Переоборудованный в кабаре гараж полон посетителей: они сгрудились вдоль стен, взгромоздились на стойку бара. В зале душно; запах плесени, пота и грязи успешно борется с густым облаком табачного дыма.

Все замерло. Скрипка и фортепиано старательно выводят хнычущее пианиссимо. На подмостках – гвоздь вечерней программы: эротическая сцена, которую в полутьме разыгрывают две тощие фигурки (одна в мужском, другая в женском костюме), слабо освещенные синими и красными огнями рампы. Они движутся как тени, походя извергая непристойности и издавая возгласы наигранной похоти. Вот ритм их движений ускоряется, пыхтение и звук копошащихся на мягкой квадратной постели тел становится громче. Наконец оба выпускают торжествующий крик, рампа гаснет, занавес рывком сдвигается, с облегчением трубит оркестр, и двое исполнителей, выйдя на авансцену, раскланиваются под лучом прожектора. Выясняется, что в роли мужчины выступала женщина, а в роли женщины – мужчина, и убедившаяся в своем заблуждении публика бурно реагирует: кто – смеясь и аплодируя, кто – громко выражая свое разочарование. Тем временем любовную пару сменяет высокий худой человек в потертом красном смокинге, поющий о том, что жизнь пре-

красна, любовь чудесна, но нет ничего на свете милее родного дома. Официанты и официантки, отступившие на задний план во время предыдущего номера, вновь деловито снуют между столиками, принимая заказы. Абель, на сей раз трезвый, прокладывает себе дорогу к боковой двери на сцену. Освещение гаснет. Ненадолго зал погружается в непроницаемый мрак. Администратор призывает посетителей сохранять спокойствие, оставаться на своих местах. Почти тотчас же то в одном, то в другом уголке вспыхивают робкие огоньки. Люди вновь начинают переговариваться и смеяться. На сцену выскакивает конферансье, оглушающий публику каскадом анекдотов, один другого забористее. Его то и дело перебивает напарник со свечой, водруженной на лысую голову, рекомендуя посетителям продуктивно воспользоваться темнотой в собственных интересах. Девушки в баре, открывенничает он, охотно пойдут им навстречу. Общее веселое настроение скоро восстанавливается.

В узком проходе за сценой царит полная тьма. Абель ощупью пробирается к маленькой уборной Мануэлы, стучит в дверь и, не дожидаясь ответа, входит. Комнатка слабо освещена одной свечой. Мануэла, в платье для сцены, прислонилась к стене. Со стула у туалетного столика поднимается мужчина. Лицо его в тени, но Абель сразу же узнает его.

Ханс. Я только что узнал о смерти вашего брата.

Абель. Что вы здесь делаете?

Ханс (*улыбаясь*). Я забежал перекинуться парой слов с

Мануэлей. Надеюсь, вы не возражаете. Вообще-то говоря, я частенько здесь бываю. Холостяку вроде меня порой приходится скучновато наедине с самим собой, а живу я всего в пяти минутах отсюда. Я как раз спрашивал Мануэлу, не согласитесь ли вы оба как-нибудь вечером заглянуть ко мне на скромный ужин и стаканчик вина.

Мануэла. С удовольствием.

Абель. Убирайтесь к черту.

Ханс. Ну, не буду досаждать вам своим присутствием.
(Он говорит это почти смиренным, извиняющимся тоном. Жмет руку и кланяется Мануэле, затем с улыбкой оборачивается к Абелю. Когда тот отворачивается, он не без сожаления пожимает плечами, кивает Мануэле и уходит.)

Абель. У тебя есть сигареты?

Мануэла. На столе.

Абель закуривает и садится на шаткий стул.

Около двух часов пополуночи они возвращаются домой и неслышно прокрадываются по прихожей. В комнате фрау Холле еще горит свет, и им не хочется привлечь ее внимание.

Фрау Холле. Кто там?

Мануэла. Мануэла.

Фрау Холле. Ты не одна?

Мануэла. Это герр Розенберг.

Фрау Холле. Зайди ко мне на минутку, Мануэла.

Мануэла. Я ужасно устала, фрау Холле. Нельзя ли отложить это до завтра, до обеда?

Фрау Холле. Я хочу поговорить с тобой сейчас. Примирюсь с неизбежным, Мануэла заходит в комнату фрау Холле. Абель видит, как она останавливается у изножия кровати.

Боли не дают мне заснуть. Кроме того, у меня на душе беспокойно.

Мануэла. Это как-нибудь связано со мной? Фрау Холле. Раньше тебе бы не пришло в голову задать такой вопрос, Мануэла.

Мануэла. Я ужасно устала и, по-моему, простудилась. Хочется лечь поскорее... Фрау Холле. Это касается герра Розенберга. Мануэла. Да?

Фрау Холле. Я не могу допустить, чтобы он долее оставал-

ся в моем доме. Он производит впечатление человека высокомерного и ненадежного. Кроме того, власти не одобряют, что я разрешаю жить в одной комнате людям, не состоящим в браке. Герру Розенбергу придется завтра же съехать. Мануэла. Но ведь он заплатил за месяц. Фрау Холле. Вот эти деньги. Я поменяла их на марки. Держать доллары запрещено законом. Ты должна бы это знать, Мануэла.

Мануэла. Если съедет герр Розенберг, съеду и я. Фрау Холле. Ты поступишь, как сочтешь нужным. Мануэла. Завтра мы оба съедем. Фрау Холле. Что касается тебя, Мануэла, тебе нет никакой необходимости спешить. Мануэла (*плача*). По-моему, ты омерзительна. Ты проклятая старая ведьма! Она вылетает из комнаты прямо в объятия Абеля. Он крепко прижимает ее к себе, давая выплакаться вволю. Фрау Холле (*издали*). Мануэла! Мануэла. Пошла к черту! Когда они наконец оказываются у себя в комнате, Мануэла швыряет на стол сумочку и большой пакет с деньгами и принимается расхаживать взад и вперед. Абель, не выпуская из рук шляпы, плюхается на стул. Внезапно Мануэла раздражается смехом, ударяя рукой по столу, уставленному грязными тарелками.

По-моему, в колонке «хорошо» скоро совсем ничего не останется. Не говоря ни слова, Абель поднимается и начинает убирать со стола. Она подходит к нему, останавливает и, не давая высвободиться, стискивает в своих объятиях.

Мы выкрутимся, выкрутимся, вот увидишь. Абель не от-

вечает.

Пока будем держаться вместе.

Абель. Что делал Ханс Вергерус в твоей уборной?

Мануэла (*с вымученным смешком*). Ты уж не ревнуешь ли?

Абель. Ты спала с ним?

Мануэла. Да.

Абель. Часто?

Мануэла (*удрученно*). Ну, Абель, не надо.

Абель. Я хочу знать.

Мануэла. Раза три, наверно. А может быть, четыре. Не помню.

Абель. Он платил тебе?

Мануэла. Нет. А вообще-то да. Один раз.

Абель. Почему только раз?

Мануэла. Не знаю.

Абель. Я хочу знать.

Мануэла. Наверно, я его пожалела.

Абель. Ты что, влюблена в него?

Мануэла. Не знаю.

Абель. Не знаешь?

Мануэла. Мне жаль его. Он мне нравится. По-моему, ему не хватает тепла, нежности...

Абель. О! Вот как? Ну-ну...

Мануэла. Абель, будь со мной добрее, помягче!

Прошу тебя. Важно одно: чтобы мы с тобой были добры

друг к другу.

Абель не отвечает. Потерянно блуждая по комнате, они начинают раздеваться, рассовывают по углам вещи. Наконец оба лежат рядом на узком диване. Мануэла гасит свет.

Абель. Ты вся горишь. Должно быть, у тебя температура.

Мануэла. Это пройдет, только бы мне выспаться. Я ведь никогда не болею.

Вдоль берега образовалась тонкая, кромка льда. Ее тут же разбивают и смывают грязные, черные воды. В холодной ночи мерзнут тяжелые, обшарпанные громады домов, нетопленых, полных спящими, бодрствующими, плачущими, дрожащими, снедаемыми страхом людьми. Колючий ветер продувает насквозь казармы, заводы, вокзалы, церкви, школы, гуляет по бесконечным улицам, овеивает кладбища и монументы.

В районе Бранденбургских ворот несут дежурство полицейские Шварц и Ауэрбах. Внимание их привлекает что-то темное и неподвижное, притулившееся у подножия Триумфальной арки. Они переходят широкую асфальтированную улицу. С близкого расстояния различима фигура сидящего человека, прислонившегося к каменной стене. Подойдя вплотную и направив на него свет своих фонарей, они обнаруживают, что у человека нет головы.

Во вторник, 6 ноября, газеты полны тревожных слухов и мрачных предсказаний. Правительство явно не способно совладать с кризисом, и кровавое столкновение конфликтующих общественных групп представляется неизбежным. В то же утро весь город остается без молока. Многие продовольственные магазины не открываются, так как продавать нечего. Рейхсмарка практически перестала существовать: кипы бумажных ассигнаций принимают на вес, не обращая внимания на обозначенное на них достоинство. Однако, несмотря на все это, берлинцы по-прежнему работают: воздух прорезают фабричные сирены, трамваи и поезда курсируют под проливным дождем, сердитые управляющие выговаривают за опоздание невезучим служащим, школьники корпят над главами Ксенофонта «Анабасиса» или зубрят английскую грамматику, домохозяйки моют полы и опустевшие кухонные полки, полицейские обходят свои участки, деловые люди делают дела, проститутки трудятся во славу своей профессии, актеры репетируют, симфонические оркестры концертируют, могильщики роют могилы, солдаты маршируют, медики диагностируют, а подчас и оперируют.

Во вторник, 6 ноября, в Берлине появляется на свет несколько сотен детей и несколько меньшее число людей умирает. Дождь так и не прекращается, и страх легкой дым-

кой вздымается в воздух с асфальтированных тротуаров; едким, неотвязным запахом он вселяется в ноздри. Вдохнув, его уносят в себе как ядовитый газ – газ замедленного действия, о чьем присутствии в организме свидетельствует лишь разреженный или учащенный пульс или мимолетный приступ тошноты.

В это утро Мануэла проспала. Будильник исправно отзвенел, но она вновь задремала. Теперь ей приходится спешить: она стоя проглатывает чашку горячего кофе, набрасывает на плечи потрепанное зимнее пальто, треплет Абеля по щеке, говоря, что вернется к обеду, часам к двум. Абель идет следом. Выскочив на улицу, он видит, как она бежит под дождем. Мануэла скрывается за углом; он сворачивает за ней на Новемберштрассе, и она сразу же снова попадает в поле его зрения. Мануэла пересекает улицу, направляясь к небольшому парку, в котором высится красная кирпичная церковь, окруженная черными, безлистными вязами.

Следуя за девушкой на расстоянии, Абель вступает в полумрак церкви. Он и здесь без труда обнаруживает ее: далеко впереди на хорах она стоит на коленях перед алтарем. Идет заутреня; на скамьях ссутулились несколько прихожан; покашливающий пастор, сопровождаемый двумя полусонными служками, причащает свою конгрегацию. В церкви холодно, как в склепе, и полусгоревшие алтарные свечи вздрагивают на сквозняке.

Окончив службу, пастор поспешно удаляется в ризни-

цу, оставляя дверь открытой. С легким шумом прихожане поднимаются с сидений и, шаркая подошвами, выходят на дождь.

Еще несколько секунд Мануэла стоит на коленях. Затем встает и входит в ризницу, не затворяя двери. Два мальчика-служки с шумом бегают по приделу; их смех гулко отдается под сводами. Снимающий свое облачение пастор подходит к двери и громко призывает их к порядку. Затем оборачивается; Мануэла обращается к нему с какими-то словами; тот отвечает ей, натягивая на себя сапоги и надевая огромный черный полушубок. Очень тихим голосом Мануэла продолжает что-то говорить ему; тогда, прервав свое занятие, пастор удаляется в глубь комнаты.

Скрывшись за колонной, Абель видит всю ризницу: это пустая комната с высокими шкафами по стенам и зарешеченным стрельчатым окном. Посредине старый, выдавший виды стол. Пастор присел на стул спиной к двери. Мануэла стоит по другую сторону стола. Абелью ясно видно ее лицо, на которое падает верхний свет. Опустив голову, она чуть подалась вперед. Лицо Мануэлы приобрело пепельно-серый оттенок, веки опухли и покраснели; она качает головой. Пастор кашляет и сморкается.

Мануэла. Не знаю, что привело меня к вам. Я никогда всерьез не думала о боге, да и бог, кажется, не очень-то обращал на меня внимание. Я никогда не ходила в церковь. Наверно, меня и окрестить не позаботились – мой отец был убежден-

ным атеистом, и его взгляды стали моими. Нет. *(Она умолкает, о чем-то напряженно думает, складывает руки вместе, поднимает глаза и смотрит на пастора, затем еще раз качает головой.)* Меня зовут Мануэла. Мой отец – иллюзионист; уже много лет я его не видела. Мать была цирковой наездницей. Всю жизнь я прожила, кочуя с места на место с разными труппами. Мой муж – он умер – тоже был артистом цирка. *(Всхлипывая.)* Извините, что я плачу; по-моему, у меня грипп: голова кружится, все какое-то странное, и вот сами собой слезы текут. *(Пауза.)* Я не из робкого десятка. Я всегда считала, что мне не так уж плохо живется. В сущности, я никогда даже не задумывалась над тем, хороша жизнь или плоха.

Пастор не отвечает. Он сидит, сгорбившись в своем огромном полушубке, то и дело покашливая. Мануэла с тревогой оглядывается вокруг, как бы опасаясь, что мужество вот-вот покинет ее.

Может быть, не надо было мне вас беспокоить. Но мне необходимо поговорить с кем-то, кто поймет меня. На прошлой неделе я пришла сюда к утренней обедне; я была как потерянная. Потом кто-то сказал, что, несмотря на ваше немецкое имя, вы – американец. Это меня немного ободрило, ведь я плохо говорю по-немецки.

Пастор. Уважаемая фрау, пожалуйста, ближе к делу. У меня скоро начинается служба.

Мануэла. Да. Нет. Понимаю.

Пастор. Может быть, вы зайдете попозже?

Он быстро поднимается и закутывается в свой шарф. Мануэла так и остается стоять по другую сторону стола. На ее лице – отчаяние и недоумение.

Мануэла. Простите, что отняла у вас время.

Пастор. Нисколько.

Медленно, с трудом волоча ноги, Мануэла идет к двери. Она тщетно пытается побороть подступающие слезы.

Мануэла. Все, чего я хочу, – это выплакаться.

Пастор. Ну, ну, крепитесь.

Мануэла (*еле слышно*). Я не могу жить с таким бременем вины.

Мануэла опускается на стул у стены. Пастор стоит перед ней; не скрывая нетерпения, он посматривает на стенные часы.

Мне кажется, это я виновата в том, что Макс покончил самоубийством. Я всегда знала, что с ним что-то случится. Когда пришел его брат и сказал мне, что Макс застрелился, я ничего не почувствовала. Разве что облегчение. Затем появилось это чудное чувство. Не понимаю – такое со мной впервые. Как будто ты был за кого-то ответствен и не выдержал испытания и вот со стыдом и бессилием перебираешь в голове то, что должен был сделать и чего не сделал.

Пастор присел на табурет напротив Мануэлы. Сняв очки, он протирает их безукоризненно чистым носовым платком.

А теперь я чувствую, что на мне лежит ответственность

за его брата, и это хуже всего.

Пастор. Хуже всего?

Мануэла. Он ведь точь-в-точь как Макс. Он не говорит того, что думает: просто выплескивает наружу все свои чувства. И он всегда такой запуганный... Я стараюсь внушить ему, что мы можем помочь друг другу, но для него это только слова. Все, что бы я ни говорила, кажется ему бессмысленным; единственно реальное для него – это страх. А тут ко всему прочему я еще заболела. Не знаю, что со мной творится. Неужели мне нет прощения?

Пастор. Для того, кто верует, всегда есть прощение.

Мануэла. А что для тех, кто не верит?

Пастор. Хотите, я помолюсь за вас?

Усталый, измотанный человек на миг умолкает. Он протягивает руку и неловким утешающим жестом кладет ее на плечо Мануэлы. Она удивленно смотрит на него. Он тут же отводит взгляд в сторону.

Мануэла. Вы думаете, это поможет?

Пастор. Не знаю.

Мануэла. Прямо сейчас?

Пастор. Да. Сейчас.

Он преклоняет колена на каменном полу. Мануэла, поколебавшись, следует его примеру. Пастор молитвенно складывает руки.

Мануэла. Это какая-нибудь особая молитва?

Пастор. Тише. Я должен подумать. *(Пауза.)* Мы, пребывающие здесь, на земле, так далеки от бога, что он, конечно же, не слышит наших молитв, когда мы взываем о помощи. Поэтому наш долг – помогать друг другу. Наш долг – даровать друг другу прощение, в котором нам отказывает далекий бог. Итак, говорю вам, что отныне вам прощена смерть вашего мужа. На вас нет более вины за нее. А я – я прошу у вас прощения за мою апатию и безразличие. Вы меня прощаете?

Мануэла *(мягко)*. Да.

Пастор. Это все, что в наших силах.

Он встает с колен и отряхивает пыль с брюк и полы полушубка. Мануэла тоже поднимается.

А теперь мне надо спешить. Приходский пастор – сама пунктуальность, и его раздражает, когда кто-нибудь опаздывает.

Они поспешно проходят через церковь к выходу, пастор – опережая Мануэлу. Абель отодвигается глубже за колонну. Когда Мануэла исчезает снаружи, он возобновляет слезку.

Абель по-прежнему следует за Мануэлой на расстоянии. Они выходят на улицу, по обеим сторонам которой вытянулись шестиэтажные доходные дома. За их серыми коробками в некотором отдалении виден корпус клиники святой Анны, окруженный тяжелой железной оградой. Поравнявшись с домом двадцать восемь, Мануэла распахивает входную дверь. Она входит в темный вестибюль с мраморной лестницей и блестящими лакированными перилами, сворачивает налево, открывает еще одну дверь, ведущую во двор, напоминающий колодец и отрезанный от других высокой стеной. Следом за ней Абель попадает в обшарпанный подъезд приютившегося во дворе неказистого домишка. У одной из дверей, на которой нет никакой таблички, она останавливается и шарит в своей сумочке. Находит ключ, отпирает дверь и входит, оставляя ее за собой открытой.

Войдя в квартиру, Абель оказывается в длинном коридоре, кончающемся большой кухней; в ней он видит еще одну дверь, ведущую в жилую комнату. В этой комнате он и застает Мануэлу. Снаружи по грязным оконным стеклам барабанит дождь. Ощувив чье-то присутствие, Мануэла встрепнулась, как животное, почуявшее тревогу. Медленно снимая пальто, она оборачивается и видит Абеля.

Абель. Что, черт побери, все это значит?

Мануэла. Мы будем здесь жить, ты и я. Тут неплохо, правда?

Она произносит это печальным, просительным тоном. Он делает несколько шагов обратно в кухню, затем возвращается в комнату. Она слегка касается его руки и смотрит на него, как бы пытаясь рассеять его подозрения.

Это тесная квадратная комната с большими пятнами плесени на потолке. Одну стену целиком занимает громоздкий полированный черный гардероб, по другую стоит раскладывающийся на ночь диван-кровать. У окна – коричневый стол и четыре стула с высокой спинкой. На обоях замысловатый узор; стены украшают несколько картин уныло-романтического содержания. Слева от огромного гардероба висит треснувшее зеркало в потемневшей золотой раме; над диваном тикают старинные стенные часы. Вдоль правой стены разместились два потертых кожаных кресла и низкий круглый стол с медной окантовкой. Грязный паркет прикрывает восточный ковер со стершимися местами рисунком. В противоположность заставленной вещами комнате кухня довольно просторна и хорошо оборудована: здесь газовая плита, мойка и водопроводный кран, большая кладовая, ледник и полка с горшками и кастрюлями. У окна – круглый деревянный стол с тремя стульями; с потолка свешивается лампа под абажуром с длинной бахромой; пол покрыт почти новым линолеумом. В неосвещенном коридоре – высокая печь, по соседству – ящик, доверху полный угля. Квартира выглядит так,

словно ее еще недавно занимали люди, которых обстоятельства вынудили перебраться из респектабельного буржуазного квартала в эту убогую постройку, выглядывающую окнами на грязную желтую стену.

Вчера, когда ты появился в кабаре, я как раз говорила Хансу Вергерусу о наших затруднениях. И он тут же предложил, чтобы мы перебрались в эту квартиру, которую арендует он или, точнее, клиника святой Анны и которая только что освободилась. Правда, здорово? Нам даже квартплату вперед вносить не придется. Он еще сказал, что может устроить тебя на работу в архив клиники. Ну разве не прекрасно, Абель? Поживем здесь, пока не решим что-нибудь. Правда, здорово!

Абель. Черт возьми, я не собираюсь здесь жить или принимать какие бы то ни было одолжения от этого проклятого Вергеруса!

Мануэла не отвечает. Она сидит за большим столом на одном из стульев с высокой спинкой, подперев голову руками. У нее очень усталый вид.

Будет гораздо лучше, если каждый из нас пойдет своей дорогой.

И на эти слова Мануэла не отвечает. Она сидит, глядя на стену за окном и потеки дождя на грязных стеклах.

По отношению ко мне у тебя нет никаких обязательств.

Мануэла не реагирует. Закрыв лицо руками, она опускает голову, но не плачет. Она не издает ни звука. Абель выходит

на кухню и останавливается в нерешительности.

Скорее всего, в ближайшие дни мы не увидимся. Не будем запутывать все еще больше.

Мануэла. Понимаю.

Абель оставляет дверь открытой, спускается по лестнице и выходит наружу, вновь оказываясь во дворе-колодце. Дождь залил канализационные стоки, и теперь из них во все стороны расплзается зловонная жижа. Абель останавливается, поднимает взгляд на окно и видит за стеклом пепельно-серое лицо смотрящей на него сверху Мануэлы. Внезапно вся его решимость пропадает, он поворачивает назад, взбегаёт по ступенькам вверх, встречает ее в коридоре и крепко сжимает в объятиях. Взяв в руки его голову, она целует его в губы.

В тот же вечер на кабаре «У голубого осла» совершают налет штурмовики. Время приближается к одиннадцати, и Мануэла, на которую жалко смотреть, еле слышным голосом поет о том, что у нее есть конфетка. Из-за дождя, который по-прежнему льет как из ведра, заведение полупусто. Еще сильнее, чем обычно, запах плесени, и везде промозглый холод. Полуобнаженные девицы за стойкой натянули шерстяные свитера, набросили на плечи шали; на одной из них – поношенное мужское пальто. Вошедшего Абеля фамильярно приветствуют рассевишиеся у входа в ожидании клиентов проститутки. Насквозь промокший, он снимает пальто; старик гардеробщик обещает повесить его просушить. Абель благодарит и входит в зал. Садится за столик и зажигает окурок сигареты. Владелец кабаре подсаживается к нему с кружкой пива. Это низенький человечек с крашеными волосами, смуглым, со следами косметики лицом и боязливymi, бегающими глазками за толстыми стеклами очков. На указательном пальце его левой руки – дорогое кольцо.

Герр Соломон. Как вы находите, у меня хорошее произношение? Я несколько лет прожил с женщиной-факиром родом из Нью-Джерси. У нее и выучился английскому. Нет, здесь, в Берлине, решительно пора закрывать лавочку. Только оглядитесь вокруг, герр Розенберг! Тридцать шесть чело-

век! А программа! Да, да, Мануэла никуда не годится. Просто не знаю, что с ней сегодня: у нее совсем жалкий вид.

Абель. У нее грипп.

Герр Соломон. Как вы думаете, герр Розенберг, что, если объединить кабаре с борделем, скажем, в Бейруте? Совершенно иной климат, совершенно иной прием. Пожалуй, сегодня сократим программу, закроемся пораньше. В такую погоду продолжать бессмысленно. В жизни не видел ничего похожего на этот ливень. Может быть, это потоп? Ваше здоровье, герр Розенберг.

Не успевает он подняться с места, как входные двери с треском распахиваются. Какая-то девушка вскрикивает от боли и гнева; шум перекрывает чья-то команда. Внезапно передняя часть зала заполняется людьми в блестящих дождевиках, сапогах и фуражках военного образца. Они вооружены дубинками.

Смуглое лицо герра Соломона вспыхивает, затем моментально блекнет. Застыв на месте с сигаретой в правой руке и кружкой в левой, он вымученно улыбается Абелью, вдруг становясь меньше в своем безукоризненно сшитом смокинге.

Я ждал этого.

Четверо мужчин проложили себе дорогу к сцене. Один из них схватил Мануэлу за запястье и держит цепкой хваткой. Зрители повскакивали с мест; некоторые из них что-то возбужденно доказывают, столпившись у дверей. Музыканты сгрудились в углу оркестровой ямы.

Неожиданно вспыхивает верхнее освещение. Юнец из числа взобравшихся на сцену зачитывает обращение, в котором то и дело встречаются слова «именем германского народа». Когда с чтением покончено, тучный человек – очевидно, главарь банды – спрашивает, где хозяин кабаре. Не говоря ни слова, герр Соломон садится. Одна из девиц у стойки тычет в его сторону пальцем, крича: «Вон он, вон он, еврейская свинья». Главарь подходит к столику.

Главарь. Мне не нравится твой нос. Сними очки, если не хочешь, чтобы они разбились.

Герр Соломон без промедления повинуется. Главарь хватает его за редкие крашенные волосы и изо всех сил бьет лицом о столешницу. За минуту такой обработки лицо герра Соломона превращается в бесформенную кровавую массу. Все это время в кабаре никто не шевельнулся. Абель так и продолжает сидеть на том же месте. Кровь брызжет на его пиджак и брюки, но он не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Не смея даже отвернуться, он смотрит, как преобразается лицо Соломона.

Главарь банды счел, что владелец заведения достаточно наказан, и дует в свисток. Это служит сигналом к началу погрома. Молодчики в форме принимаются с остервенением крушить мебель, зеркала, их дубинки обрушиваются на публику, исполнителей, оркестрантов. На время в кабаре воцаряется стихия тотального насилия. Затем слышатся два коротких свистка. Погром прекращается, и налетчики устрем-

ляются к выходу. В мгновение ока они исчезают. Слышно, как заводятся и мчат по пустынной, залитой дождем улице несколько автомобилей. Внутри остаются груды изломанной мебели, битой посуды, тела пострадавших. Лежащему под столом Абелью заехали дубинкой по уху. Ухо сильно кровоточит, но ничего не задето. Пробираясь среди избитых, плачущих, терроризированных людей в поисках Мануэлы, он почти сразу находит ее: она невредима и помогает Соломону прикладывать салфетки к его изуродованному лицу.

Тем временем в углу завязывается ожесточенная потасовка между девушкой, указавшей погромщикам хозяина заведения, и двумя его защитницами.

Мануэла. Знаешь, тот парень, что схватил меня на сцене, оказался не такой уж плохой. Повалив меня на пол, он шепнул, что это только для виду и чтобы я кричала изо всех сил. Ну, я и постаралась.

Первую ночь в своем новом прибежище они проводят среди нераспакованных чемоданов и множества не поддающихся определению предметов из прежней жизни Мануэлы. Абель, с сигаретой, полусидит на раздвинутом на ночь диване. Мануэла спит глубоким, но беспокойным сном. У нее жар.

Возле постели – настольная лампа с расшатанным цоколем, под бежевым абажуром. Прикрытая шалью, она разливает по комнате ровный, неяркий свет.

Все еще идет дождь.

Время от времени тишину нарушает работа какого-то мощного двигателя, от которого вздрагивает все здание. Глухой шум обрывается столь же неожиданно, как и возникает. Абель невольно вслушивается в неровный ритм. Мануэла просыпается и оглядывается.

Мануэла. Не можешь уснуть?

Абель. Чтобы уснуть, мне надо выпить.

Мануэла. Вон в той небольшой сумке есть маленькая бутылка джина. Я его не люблю и не открывала.

Абель немедленно принимается за поиски. В конце концов он обнаруживает бутылку и приносит из кухни стакан. Наливает себе солидную порцию и залпом выпивает, стоя посреди комнаты в старом, рваном купальном халате. Затем

наливает в стакан еще, почти доверху, и пьет. Это его немного успокаивает. Он присаживается на краешек постели.

Абель. Ты неважно выглядишь.

Мануэла. А знаешь, вообще говоря, в высокой температуре есть что-то заманчивое. Гредишь, просыпаешься и засыпаешь, все сливается... То тебе шесть лет, то пятнадцать. И все так явственно.

Абель. Слышишь, как мотор гудит? Вот он снова завелся.
Мануэла. Какой еще мотор?

Абель. Разве ты ничего не слышишь?

Мануэла. Что-то тарахтит.

Абель. Вот-вот. Тот самый мотор.

Мануэла. Помню, сижу я как-то на солнышке, а бедный папаша трудится – разучивает новый фокус. И ничего-то у него не получается. Мама выходит из фургона и говорит: «Попробуй-ка лучше вот так». И показывает, как надо делать. А он стоит смущенный, сутулый, с виноватой улыбкой, в своем зеленом пиджаке в белую полоску. *(Пауза.)* Живешь тут как на острове.

Абель *(не отрываясь от стакана)*. М-м?

Мануэла. Не знаю. Этого не объяснить. Наша лодка пошла ко дну, и мы чуть не утонули. Никого из тех, кто был с нами, не осталось. А потом то, что случилось сегодня в кабаре...

Абель. Просто с ума сводит этот чертов мотор. Тебе не кажется, а?

Мануэла. Нет.

Абель. Завтра же узнаю, что это такое.

Мануэла. А знаешь, что самое страшное?

Абель *(пьет)*. Нет.

Мануэла. То, что у людей нет будущего. Ведь не только нам с тобой особенно не на что надеяться. Все утратили будущее.

Абель. Гроша ломаного не дам за прошлое, да и за будущее тоже. Мне хорошо – наконец-то я могу надраться.

Мануэла. Ведь у нас и слов не осталось. Пока можешь

ждать и надеяться, о них как-то не думаешь. Но когда живешь как сейчас, просто ужасно, что у людей нет слов. Все, что у них есть, – это вопли, или крики ярости, или слезы. Те, кто умеет произносить слова и выражать словами чувства, присвоили себе всю власть над окружающим.

Абель. Ты сама все это выдумала?

Мануэла. Нет.

Абель. Значит, это Ханс Вергерус?

Мануэла. Пожалуй, да. Он еще сказал: «Если те, кто изобретает названия для чувств, сочувствуют людям, тогда все хорошо. Если же они их ненавидят...» *(Она умолкает, проводит по лбу тыльной стороной руки и облизывает губы.)*

Абель. Лучше не знать.

Мануэла. Этот старый халат, в котором ты спишь. Ведь он папин. Чертовски трогательно, а?

Абель не слышит. Он наконец заснул, привалившись к спинке дивана, с пустой бутылкой в руке. Стакан уронил на пол. Рот его полуоткрыт, бледное лицо, расслабившись, уподобилось детскому. Несколько секунд Мануэла смотрит на него, затем осторожно отбирает у него бутылку, ставит на пол, вылезает из постели, выключает свет. Комната погружается в почти непроницаемый мрак. Постепенно в темноте становится различим четырехугольник окна с потеками дождя. Проступает и стена, пересекающая двор. Мотор наконец заглох.

Потом слышится крик, неясный и отдаленный. Потом еще

один. Так кричат в смертных муках. Абель сразу же открывает глаза и вслушивается. Но опять все тихо. Только дождь идет.

Пожилой человек с изящными манерами, с тщательно ухоженными седыми волосами и по-детски голубыми глазами за стеклами очков в золотой оправе приветствует Абеля в архиве – большом подвальном помещении комплекса клиники святой Анны.

Герр Солтерман. Здравствуйте, герр Розенберг. Рад с вами познакомиться. Разрешите представиться: доктор Солтерман. А это мой коллега доктор Фукс. Мы заведем архивом клиники святой Анны – самым большим больничным архивом в Европе и одним из самых больших в мире. Он занимает, герр Розенберг, несколько тысяч квадратных метров! В нашей картотеке числится более ста тысяч единиц. Но ведь и клиника святой Анны существует уже триста пятьдесят семь лет. Разумеется, в различных ее модификациях. Доктор Фукс и я, мы чрезвычайно рады наконец получить ассистента. Мы уже много лет просили об этом нашего директора, профессора Вергеруса, но безрезультатно. Поверьте, герр Розенберг, мы сердечно рады вам.

Герр Фукс (*с заметным акцентом*). Доктор Солтерман очень хорошо говорит по-английски, не правда ли?

Абель. Да, действительно.

Герр Солтерман. Доктор Фукс чрезмерно снисходителен ко мне. До войны я провел семь лет в Англии. Моя доктор-

ская диссертация была посвящена теме сексуальных извращений в творчестве Бена Джонсона. Интересная, но узкая тема.

Доктор Солтерман говорит с подчеркнутой скромностью, но ему явно не под силу победить соблазн порассказать о собственных научных достижениях. Доктор Фукс, следующий за ними по длинному проходу между бесконечными рядами высящихся до потолка полок, изредка позволяет себе одобрительные замечания и пояснения.

Позвольте осведомиться, герр Розенберг, имеете ли вы опыт работы в архивах?

Абель. Нет, к сожалению, я никогда...

Герр Солтерман. Так я и думал. Но неважно.

Я могу сегодня же дать вам ответственное, хотя и нетрудное с точки зрения техники архивного дела, задание.

Абель (*улыбаясь*). Я вам очень признателен.

Герр Солтерман. Мы уже посоветовались с доктором Фуксом и пришли к общему мнению.

Герр Фукс (*по-английски*). Да.

В ходе разговора, открывая и закрывая за собой двери, они углубились в лабиринт переходов между рядами полок и теперь останавливаются в прямоугольной комнате с маленькими окнами под самым потолком. В одном ее углу притулился стол; комната слабо освещена единственной лампочкой.

Герр Солтерман. Вот ваше рабочее место, герр Розен-

берг. Работаем мы ежедневно с восьми утра до шести вечера. Обед в половине второго. Мы берем его по очереди на кухне клиники. Обеденный перерыв – полчаса. Нам разрешается также брать в специальных судках домой ужин – в наши дни это неоценимое преимущество. Остальные правила распорядка висят на стене над вашим столом. Ваше еженедельное жалованье вы будете получать по пятницам в кассе клиники. В недалеком будущем я пройду с вами по архиву и покажу все остальное. Всего наилучшего, герр Розенберг.

Абель (*растерянно*). Простите, но что же я должен делать?

Доктор Солтерман громко смеется, доктор Фукс улыбается. Они возвращаются и объясняют.

Герр Солтерман. Видите вон там на полке, справа, коричневые папки? Они очень дорогие, и мы их тщательно бережем. А вот тут, слева, желтые, они дешевле. Ваше первое задание – переложить документы из коричневых папок в желтые, а потом перенумеровать и пометить их по образцу коричневых.

Абель. А что делать с коричневыми?

Герр Солтерман. Вы поставите их туда, где прежде были желтые. Желаю удачи, герр Розенберг. Доктор Солтерман протягивает сухую, очень холодную руку. Доктор Фукс прощается столь же церемонно.

Абель. А как я отсюда выберусь?

Герр Солтерман. В обеденный перерыв за вами зайду я

или доктор Фукс. Можете на нас положиться. Мы про вас не забудем. *(Смеется, затем вновь принимает серьезный вид.)* Да, кстати, чуть не забыл. Нелишне уведомить вас, что все материалы, хранящиеся в этой комнате, сугубо секретны. Их нельзя отсюда выносить, и вы не должны читать или пытаться расшифровать документы, проходящие через ваши руки. У нашей клиники, герр Розенберг, давние гуманистические традиции, и забота о благе человечества всегда была для нас законом. Все коричневые папки полны свидетельств о невообразимых человеческих страданиях, о битвах, сопутствовавших развитию науки, о ее победах и поражениях. Здесь сосредоточены ошеломляющие открытия, затрагивающие самые недоступные области человеческой природы.

Абель. Вы сами читали то, что собрано в этих папках?

Герр Солтерман. Естественно. Я прочел все, что есть в наших архивах. Не правда ли, доктор Фукс?

Доктор Фукс кивает в знак согласия.

Оба удаляются, закрывая за собой массивную железную дверь. Их шаги замирают в коридоре. Абель оставляет одного в комнате, которая, как ему кажется, герметически изолирована от окружающего мира. Пытаясь справиться с неприятным чувством клаустрофобии, он надевает висящий возле доски объявлений серый рабочий халат и приступает к работе.

Он сразу же обнаруживает, что в каждой папке лежат папки потоньше. На каждой стоит кодовый номер, включающий

цифру и букву. Осторожно раскрывает одну из папок потоньше. В ней – пачка скрепленных вместе убористо отпечатанных страниц. На первой странице любого из досье значатся имя и ряд определенных данных, а также три фотокарточки: одна анфас, две в профиль. Следующие страницы заполнены пространными наблюдениями, изложенными на немецком языке и по-латыни и перемежающимися указанием дат.

В обеденный перерыв Абель направляется к больничной прачечной; она помещается в квадратном кирпичном корпусе возле котельной с высокой трубой. Из вентиляторов, вмонтированных в высокие запотевшие окна, наружу вырывается пар, тающий на холодном ветру. За стеклами двигаются женщины, одетые в белое. На длинных тележках громоздятся кучи грязного белья. Оглушительно гудит большая сушка. Пол устлан отсыревшими досками. Увидев Абеля, Мануэла знаком просит его подойти к задней двери. Она ждет его на пороге, не смея пригласить в тесную, выкрашенную в зеленый цвет прихожую. Мануэла стоит в проеме узкой высокой двери с сигаретой в руке. На ней белый комбинезон и большой передник из дерюги. На голове белая косынка, на ногах – бесформенные башмаки на деревянной подошве. Лицо Мануэлы пылает, глаза туманит жар.

Абель. Как управляешься?

Мануэла. Кошмарно тяжелая работа.

Абель. Тебе плохо.

Мануэла. Нет.

Абель. Ты ела что-нибудь?

Мануэла. Мы обедаем в столовой для обслуживающего персонала клиники.

Абель. Когда ты кончаешь?

Мануэла. Думаю, смогу уйти в семь.

Абель. Мне позволено брать с кухни на дом ужин.

Это входит в жалованье.

Мануэла. Как тебе-то в архиве?

Абель. Прекрасно.

Мануэла. Пожалуй, нельзя мне дольше тут оставаться.

Здесь ужасные строгости.

Абель. Мануэла!

Мануэла. Что?

Абель. Ты так исхудала и осунулась. *(В приливе внезапной нежности, беспомощно.)* Если бы я только мог...

Мануэла. Со мной все в порядке, Абель. Могло быть хуже. Ну, мне пора. Надо выкупить твое зимнее пальто. Ты на смерть простынешь, бегая всю зиму в этом.

Абель. А ты не можешь сказать, что заболела?

Мануэла. Я боюсь.

Она оборачивается и робко улыбается. За ее спиной возникает толстуха с одутловатым лицом. Мануэла снимает руку с косяка двери и направляется в глубь прачечной. Женщина, потемнев от злости, осыпает ее бранью, хватая за руку и толкает в угол.

Абель бегом возвращается в архив. Сворачивает за угол и съезживается от пронизывающего ветра. В глаза ему ударяет облако пыли. Кто-то осторожно берет его под руку, и Абель поднимает лицо. Перед ним Ханс Бергеру с в зимнем пальто с меховой опушкой и меховой шапке. Мимо проезжает автомобиль.

Ханс. Вас чуть не переехало.

Абель. Благодарю.

Ханс. Ну, как вам у нас нравится?

Абель. Я только приступил к работе.

Ханс. А Мануэла?

Абель. Спросите ее сами.

Ханс. Давайте соберемся как-нибудь вечерком все втроем. Хорошо?

Абель не отвечает. Молчит и Ханс.

Абель. Извините, я очень спешу.

Ханс. Да, конечно. Мы еще увидимся.

Абель спешит прочь, пытаясь побороть внезапный приступ безотчетного страха.

Доктор Фукс ведет Абеля по лабиринтам архива.

Герр Фукс. Доктор Солтерман после обеда ушел домой. Он слаб здоровьем. В последнее время я тут чаще один.

Внезапно он останавливается и обращает свое маленькое обеспокоенное личико к Абелю, в свою очередь тоже вынужденному остановиться. У доктора Фукса большие светлые, чуть выцветшие глаза; завитки жидких седеющих волос обрамляют высокий лоб; нос длинный и тонкий; губы печально сжаты.

Герр Фукс. Теперь, когда доктора Солтермана нет, я могу вам это сказать. (*Шепотом.*) Здесь происходит нечто страшное.

Абель. Где?

Герр Фукс. Здесь. В клинике.

Абель. В клинике?

Доктор Фукс кивает и озирается по сторонам, словно опасаясь, что за полками кто-то спрятался и подслушивает. Взяв Абеля за руку, он проводит его через боковой проход в маленькую комнатку, отперев узкую зеленую дверь ключом из своей большой связки. Зажигает свет – лампочку без плафона – и подходит к одной из полок. Быстро отыскивает нужное и снимает серую папку, полную прошитых шнуром документов. Раскладывает их на столе перед Абедем и выжи-

дающе смотрит на него.

Герр Фукс. Вы знаете, что это такое, герр Розенберг?

Абель. Я не понимаю по-немецки.

Герр Фукс. Это отчеты, подробные отчеты. С грифом «секретно».

Абель. Ну и?...

Герр Фукс. Это отчеты об экспериментах, проводимых в клинике под руководством профессора Вергеруса. Абель. Ничего не понимаю.

Герр Фукс. Вы не догадываетесь, какого рода эти эксперименты, герр Розенберг?

Абель. Нет. Как я могу догадываться?

Герр Фукс. Весьма необычные эксперименты...

Абель. Хм?

Герр Фукс. Это эксперименты на людях, герр Розенберг.

Когда в конце рабочего дня Абель выходит из архива, уже темно, но фонари выхватывают из мрака внутренний двор и главный вход в клинику. Доктор Фукс поднимает воротник пальто и, прощаясь, приподнимает шляпу. Его очки посверкивают, редкие вьющиеся волосы раздувает ветер. Произнеся учтивое «auf Wiedersehen»³, он устремляется к трамвайной остановке. Темные зыбкие тени нависают над главным входом. Абель закуривает предпоследнюю сигарету и старается определить, где находится больничная кухня – длинный корпус, стоящий особняком в одном из внутренних дворов. Он натывается на очередь; не менее ста человек продвигаются к длинному прилавку. В руках у каждого судки для пищи. Подойдя к прилавку, они протягивают свои талоны, и в списке делается отметка. Все это проделывается быстро, и после недолгого ожидания Абель оказывается перед женщиной, стоящей за прилавком. Он показывает свой талон, его фамилию ищут в списке. Женщина возвращает ему талон, качая головой и объясняя по-немецки, что Абелю надо пройти дальше, к следующему прилавку. Он не сразу, но все-таки понимает, что она имеет в виду. Человек, стоявший в очереди за Абелем, поздравляет его, почти без акцента за-

---

³ До свидания (нем.)

мечая по-английски, что там пайки получше. Абель вежливо ему улыбается и переходит к другому прилавку, примыкающему к столовой для обслуживающего персонала клиники. В это время суток здесь почти пусто; за столом сидят несколько медсестер, они вполголоса разговаривают. Абель снова предъявляет свой талон. Внимательно изучив его, одна из них ободряюще кивает, быстро подходит к большому термошкафу, открывает дверцу, вынимает оттуда двойной судок и ставит его перед Абелем. Потом отмечает в списке, что его ужин выдан, объясняя по-немецки, что Абелю надлежит ежедневно подходить к ее прилавку. Она указывает на его фамилию, выведенную на крышке судка; Абель отвечает, что все понял.

В молчании Мануэла и Абель едят картофельный суп с капустой, зачерпывая со дна судка кусочки вываренного мяса. Они заедают это безвкусное варево черным хлебом, намазанным маргарином.

Абель. Этот мотор сведет меня с ума.

Мануэла. А я его и не слышала.

Абель. Но сейчас-то ты слышишь?

Мануэла. Да, теперь, когда ты сказал, слышу.

Абель. Чертовски жарко. Где тут можно окно открыть?

Мануэла. По-моему, окно открывается на кухне, то, что справа.

Абель рывком выходит из-за стола и идет на кухню. Распахивает единственное не заклеенное на зиму окно. Закуривает последнюю сигарету и тупо смотрит на желтую стену, огораживающую двор. Мануэла остается за столом. С едой она уже покончила.

Абель. Голова раскалывается от боли.

Мануэла. Кажется, у меня где-то есть порошки.

Абель. Мы прямо как в ловушке.

Мануэла. О чем ты?

Абель (*срываясь на крик*). Не будь идиоткой! Разве ты не чувствуешь, что мы попались? Сердце у меня колотится так, что вот-вот выскочит из груди.

Мануэла. Не устраивай истерики, Абель.

Он резко оборачивается, чтобы ответить ей, но сдерживает себя. Мануэла смотрит на Абеля с такой горечью, что вся его злость тотчас улетучивается.

Стоит нам только поддаться панике, и мы пропали.

Абель. Да, ты права.

Мануэла. Нам надо найти способ вернуться в цирк, все равно как. Нужно подыскать замену для Макса или разучить новый номер, для нас двоих. Ведь в этом нет ничего невозможного. Я уже кое-что придумала. Ты стоишь вот тут, а я здесь. И мы встречаемся над трапецией. Мы могли бы работать без защитной сетки – это дает много преимуществ. Хочешь, я поговорю с Холлингером? Он ко мне хорошо относится. Ну хотя бы на то время, пока будем репетировать? Мы наверняка сможем вселиться в наш старый фургон, да и на конюшне всегда найдется что делать. Абель не отвечает. Он принялся расхаживать между кухней и комнатой, до прихожей и обратно. Мануэла закрывает глаза и поджимает губы.

Абель. Голова болит.

Мануэла. Ты уже это говорил.

Абель. Ты уверена, что здесь нет утечки газа?

Мануэла. Уверена.

Абель. А почему?

Мануэла. Потому что я проверяла.

Абель. Значит, и ты думала, что есть утечка газа?

Мануэла. Да. Потому что у меня тоже болит голова. Я

больна, Абель. У меня жар. Ты мечешься как ненормальный. Если хочешь – уходи.

Абель. Итак, ты меня гонишь?

Мануэла. Я просто говорю, что ты можешь идти, куда тебе угодно. У тебя нет передо мной никаких обязательств, и у меня тоже. Я сделала все, что было в моих силах, чтоб мы не пропали. Больше я не могу. (*Кричит.*) Слышишь? Не могу! Плевать мне на твои страхи! Плевать мне на тебя!

Абель. Значит, ты хочешь, чтоб я убрался?

Мануэла. Нет.

Абель. Бедняжка Мануэла.

Мануэла. Тебе правда меня жаль? Или ты насмехаешься?

Она встает из-за стола и протягивает к нему свои исхудавшие руки. Он делает шаг ей навстречу, привлекает к себе, и они долго стоят обнявшись. Внезапно начинают целовать друг друга и падают на кровать.

Абель. Я не могу.

Мануэла. Давай просто полежим обнявшись.

Абель. Нет, не могу.

Мануэла. Лежи спокойно. Ведь хорошо же.

Крепко обнимаются. Мануэла протягивает руку и выдергивает из розетки вилку лампы на ночном столике. Из кухни на противоположную стену падает квадрат света. В полумраке каждый с трудом различает лицо другого.

Абель. Нет, не могу я так лежать.

Мануэла (*умоляюще*). Ну совсем немножко...

Не разжимает объятий. Постепенно тело Абе́ля расслабляется, он закрывает глаза, и его голова опускается на плечо Мануэлы. Вскоре опять слышится глухой, отдаленный рев мотора.

Абель резко высвобождается из объятий Мануэлы и садится на кровати. Закрывает лицо руками, немедленно отводит ладони, встряхивает головой и встает. Выходит в прихожую, надевает пальто, возвращается, нерешительно стоит в дверях. Видит, что Мануэла с низко опущенной головой сидит на кровати. Хочет что-то сказать ей, но не находит слов. Мануэла тоже точно онемела.

Абель опрометью выбегает из дома.

К ночи в среду, 7 ноября, правительство мобилизует для охраны Берлина войска чрезвычайного назначения. Невероятные, не поддающиеся проверке разноречивые слухи выплескиваются в тайфун, который сменяется настороженной, выжидающей тишиной. У административных зданий и на главных улицах города появляются патрули; других видимых признаков гражданской смуты нет. Из-за недостатка продуктов в Берлине закрылось еще какое-то количество лавок и продовольственных магазинов. В порту все замерло: там уже два дня бастуют докеры. На несколько часов в день отключается электричество. Поставки угля на газовые заводы и в жилые дома практически прекратились. В атмосфере подкрадывающегося паралича в городе лихорадочно пылает ночная жизнь, словно скрытый очаг тепла в глубинах обреченного организма.

Абель забрел в бар на Курфюрстендам. Он переполнен публикой, только что высыпающей из театров и кинозалов. Абель кладет на стойку оставшийся доллар, и ему немедленно наливают рюмку коньяку, затем вторую и третью. В центре зала, на крохотном пятачке, тесно прижавшись друг к другу, танцуют посетители. Четверо негров исполняют джазовую мелодию; резкий свет падает на их рыхлые, лоснящиеся лица. Абель расплачивается; в руки ему суют толстую пачку кредиток.

Он бесцельно слоняется по боковым улочкам в окрестностях Курфюрстендам. Здесь темнее, машины проезжают редко. Мимо, грохоча, проносится грузовик с солдатами; какая-то девица хватает его за рукав и визгливым, жалобным голосом предлагает свои услуги. Абель стряхивает ее руку и поспешно движется вперед, почти бежит. Свернув за угол, он в растерянности останавливается. Сердце стучит, голова разламывается от боли, он в стельку пьян и чувствует себя отвратительно. С одной стороны улицы мостовая разобрана. На другой примостилась скромная лавчонка, где продают нитки, шелк, шерсть для вязания. На витрине крупными белыми буквами выведено: А. РОЗЕНБЕРГ: ТОВАРЫ ДЛЯ РУКОДЕЛИЯ. Обойдя груды булыжников, Абель переходит улицу и вглядывается в слабо освещенную витрину, в кото-

рой разложены яркие скатерти, подушечки, вышивки и мотки шерсти. Снова и снова перечитывает он слова: А. РОЗЕНБЕРГ: ТОВАРЫ ДЛЯ РУКОДЕЛИЯ. В темной глубине лавки открывается дверь, и на фоне освещенного прямоугольника становится различима фигура пожилого человека. Следом за ним в полосу света вступает худая сутуловатая женщина с пучком густых темных волос на затылке. У мужчины под мышкой две конторские книги, у женщины в руках корзинка. Они о чем-то говорят между собой, но Абель не может разобрать.

Инстинктивным движением подняв с мостовой булыжник, Абель с размаху запускает им в витрину; с громким звоном стекло разбивается. Женщина вскрикивает и указывает на Абеля. Мужчина швыряет счетные книги на прилавок и кидается к выходу. Повернув ручку, распаивает дверь. Абель замер в неподвижности; с возрастающим возбуждением предвкушает он ярость хозяина лавки. Тот без слов набрасывается на обидчика, трясет его, затем отпускает, чтобы дать тому возможность защититься. Но Абель не двигается. Снова и снова бьет его мужчина по лицу; женщина вцепляется Абелю в волосы и царапает ему шею. Мужчина ударяет его в грудь, и Абель, потеряв равновесие, падает на грудь булыжников. Теперь он видит, что вокруг собралась толпа зевак, жаждущих поглазеть на интересное зрелище. Мужчина с усилием поднимает Абеля на ноги, поворачивает и прижимает к стене. Очки у лавочника слетели, и свет из ок-

на падает на его лицо. Абель чувствует на себе его дыхание, отдающее крепким турецким табаком. Большие серые глаза вытаращены и полны слез; огромный рот дрожит, выговаривая непонятные слова. Женщина за его спиной тщетно умоляет прохожих вызвать полицию. Внезапно Абель ощущает жгучую боль – лавочник ожесточенно бьет его по щекам. И тут Абель поднимает руки, мертвой хваткой стискивая противнику запястья. Ярость на лице мужчины сменяется страхом по мере того, как Абель медленно заставляет его встать на колени. Затем он вдруг отпускает его и идет прочь. Осыпая оскорблениями и цепляясь, его преследует женщина. Он вынужден остановиться и повернуться. Пучок раскололся, и густые темные волосы рассыпались по плечам женщины; ее худое, объятое злобой лицо приближается, и она плюет в Абеля. Одной рукой обхватив женщину за талию, он прижимает ее к себе, запуская другую в ее густые волосы. Затем наклоняется и целует сузившийся в злой гримасе рот. Абель долго прижимает ее губы к своим, потом, оборвав поцелуй, отбрасывает ее в сторону. Вне себя от ярости, женщина вопит и падает на тротуар. Абель бежит, сворачивает за угол и останавливается. Он вынужден ухватиться за стену: тело его содрогается в беззвучных конвульсиях.

Остановившись перед Абелем, его внимательно разглядывает уличная женщина. Он предлагает ей идти своей дорогой. Она заявляет, что говорит по-английски. Он парирует, что его это нисколько не интересует. Она замечает, что выглядит он неважно. Абель советует ей убираться к дьяволу. Полно, они и так пребывают в его владениях, смеясь, отвечает она. Абель поднимает голову. Она небольшого роста, с синими, сильно подведенными глазами на круглом, одутловатом лице. На девице короткий кожаный жакет с поясом и меховым воротником, на крашенные, коротко стриженные волосы натянута ярко-зеленая шляпка колоколом. Взяв Абе-ля под руку, она переводит его через дорогу. Войдя в боковой проулок, они проходят под аркой в плохо освещенный, провонявший мочой двор. Отперев выкрашенную в красный цвет обшарпанную входную дверь, она тянет его за собой по крутой деревянной лестнице. Несколько тусклых лампочек без плафонов выхватывают из темноты облупившиеся двери и сломанные перила. На четвертом этаже она останавливается и отпирает одну из дверей, вталкивая его вперед себя за портьеру. Они оказываются в тесной прихожей, на одной стороне которой – стол, накрытый заляпанной клеенкой, со спиртовкой, кастрюлями и несколькими пустыми консервными банками, на другой – вешалка для верхней одежды.

Полуоткрытая узкая дверь ведет в соседнюю комнату, из которой доносится граммофонная музыка и просачивается неяркий розовый свет. Девушка стучит в дверь и, не дожидаясь ответа, берет Абея за руку и втягивает его внутрь.

На полу сидит молодой негр в оранжевом пиджаке, надетом прямо на голое тело. На незастланной постели растянулась долговязая девушка с большой грудью и узкими бедрами. Плечи она прикрыла восточной шалью. Лицо ее нездорового бледного оттенка; она хрипло смеется. Сидящий на полу негр извергает монотонный словесный поток.

Монро. И она еще заявляет, что я импотент... Микаэла, скажи ей, что кому-кому, а ей-то уж лучше помолчать. Прощу тебя, скажи этой мерзкой шлюхе, что у нас с тобой это было раз пятнадцать, не меньше.

Микаэла. Меня зовут Микаэла.

Стелла (*хрипло хохоча*). Вконец свихнулся черный ублюдок! Если у тебя клиент, мы с Монро можем перейти в другую комнату, хотя здесь гораздо теплее. Кстати, как тебе этот дымок? Настоящий, из Индонезии, гарантирует море удовольствия.

Микаэла (*Абею*). Снимай пальто.

Абель. Нет уж, спасибо. (*Садится в низкое, продавленное кресло у двери.*)

Монро (*визгливо*). Ну и тварь же ты, Стелла! Все это говорят. Другой такой не сыщешь. Еще вчера слышал. Ты совсем сбрендила.

Стелла (*громогласно*). Микаэла, ты меня знаешь и Монро ты тоже знаешь. Так что если ты скажешь, что он только собрался с тобой переспать, то уже соврешь.

Микаэла. Там что-нибудь осталось?

Стелла. В ящике. Я тебе немного оставила.

Микаэла (*добродушно*). Очень мило с твоей стороны, учитывая, что он мой.

Монро. А помнишь, как ты попала в больницу и все были уверены, что у тебя сифилис? Кто тогда каждую ночь ложился с тобой и утешал тебя, рискуя подцепить его?

Стелла (*кричит*). Какого черта, да не было у меня сифилиса!

Монро. Но ты-то думала, что есть. Ну и вид же был у тебя тогда. Паскуда. Все знают, что такой паскудной шлюхи, как ты, на всей Штейнштрассе не сыщешь.

Пластинка кончилась, и игла царапает пустую борозду. Монро заводит граммофон и перевортывает пластинку. Микаэла достала из ящика ночного столика маленький стеклянный пузырек. В нем – тонкий слой белого порошка. Она осторожно отсыпает чуть-чуть на указательный палец, подносит к носу и вдыхает.

Микаэла. Хочешь кайф поймать?

Абель качает головой.

Микаэла раздевается, бросая одежду где придется. Перешагнув через Монро, целующего ее в зад, она открывает шкаф, достает салатного цвета кимоно и принимается при-

стально разглядывать себя в зеркале; у нее белое тело, большая грудь и круглый живот.

Стелла. Опять он тебя хлестал, этот проклятый садист, к которому ты ходишь по четвергам.

Монро. С тобой-то я в любой момент могу... Только эта крикливая стерва, что там разлеглась, меня нервирует.

Микаэла смеется и ложится на живот в изножий широкой кровати. Стелла вторит ее смеху хриплым гоготаньем. На обеих действует кокаин.

Абель. Здесь?

Все головы поворачиваются к нему. В тени, отбрасываемой полузакрытой дверью, он откинулся назад, покачиваясь в скрипучем кресле. Его шляпа лежит на полу.

Монро. Что здесь?

Абель. Ты сказал, что с Микаэлой можешь в любой момент? Давай сейчас.

Стелла (*взвизгивая от смеха*). А ты, значит, из таких!

Монро. А что, почему бы и нет? Но если ты, парень, думаешь получить бесплатное удовольствие, то ошибаешься.

Микаэла. Давай, Монро. Покажем, из какого теста мы сделаны.

Стелла. Я тоже ставлю на то, что у него ничего не получится.

Она тянется к сумочке, висящей на спинке кровати, и швыряет в лицо Монро кучу бумажных ассигнаций. Абель лезет в карманы и показывает деньги.

Абель. Ну, а теперь как? Хочешь? Совсем богачом станешь, Монро. *(Он через всю комнату швыряет кредитки, затем встает и переходит на сторону Микаэлы, которая громко разговаривает сама с собой.)*

Микаэла. Ну вот, наконец-то... Сейчас самый кайф... Сейчас Монро пойдет следом за майором Гиммлером, а Гиммлер – за доктором Фейером, а Фейер – за генеральным инспектором Вагнером. А уж потом – все равно кто. В конце концов мне без разницы. Все одинаковы. Давай скорей, Монро, пока кайф не прошел. Лучше не бывает. Можешь оставить себе все деньги – и Стеллы, и этого парня, который не говорит, как его зовут.

Монро взгромоздился на кровать. На его плечах все тот же слишком просторный для него оранжевый пиджак. Его тонкая шея напряглась.

Стелла хихикает.

Тихо ты. Нечего над ним смеяться. Я ему помогу. Стелла. Ну уж нет, черта с два! Это жульничество.

Сам должен справиться.

На груди Монро выступают капельки пота. Он ложится поверх Микаэлы, судорожно ласкает ей грудь, покрывает поцелуями лицо и шею, но требуемое никак ему не удается. Микаэла, приложив руку ко рту, откинула голову назад, отвечая Абелью насмешливым заговорщицким взглядом. Время от времени она затягивается сигаретой. Стелла подползла к ним почти вплотную и становится на колени, подымая и

опуская руку, словно судья на матче по классической борьбе. Внезапно Монро, конвульсивно всхлипывая, бессильно замирает на белом теле Микаэлы. Стелла издает победоносный крик и шлепает его по задку, затем плюхается на пол и начинает собирать выигранные ею деньги. Абель тяжело наваливается на нее, и она переворачивается на спину.

Спустя несколько часов Абель просыпается. В постели рядом с ним лежит худая женщина. Рот ее широко раскрыт, веки посинели; она кажется мертвой, но громко храпит. Модно валяется на полу, подложив под голову свой оранжевый пиджак. Он завернулся в изодранное одеяло, из-под которого торчат его тощие икры и большие плоские ступни. Нанюхавшись кокаина, он погрузился в глубокое наркотическое бесчувствие. Из соседней комнаты доносится громкая брань; вероятно, Микаэла ругается со своим клиентом.

Абель быстро одевается, накидывает пальто, находит свою шляпу и уже готов улизнуть, как вдруг что-то вспоминает. Осторожно выдвигает ящик ночного столика, где скомканной кучей лежат его деньги. Он засовывает их в карман вместе с пачкой сигарет и выскальзывает из комнаты.

Время – половина четвертого ночи; пустынные улицы продувает пронизывающий ветер с северных равнин.

Неподалеку от клиники святой Анны остановился патруль. Грузовик въехал на тротуар; на платформе-прицепе установлен пулемет устаревшей конструкции; человек семь солдат расположились вокруг машины. Из приоткрытой двери молочной падает свет; видно, как хозяйка варит кофе на шипящем примусе. Солдаты отхлебывают горячий кофе из крышек своих котелков; у некоторых – ломти черного хлеба.

Стоя и сидя возле грузовика, плотно запахнувшись в свои шинели, они стараются укрыться от ветра.

К солдатам подходит Абель и предлагает украденные сигареты.

Абель. Закуривайте.

Несколько человек берут по сигарете.

Кто-нибудь из вас говорит по-английски?

Молчание. На него бросают сонные, подозрительные взгляды.

Не скажете, как мне добраться до Штеттинского вокзала?

Один из солдат на ломаном английском объясняет ему.

Большое спасибо. Курите. Берите всю пачку. *(Пауза.)* Я американец. Еду в Гамбург. Днем отплывает мой пароход. Заехал в Берлин посмотреть, что за штука эта инфляция. Невероятно! Потом попал к проституткам, и они сперли мои доллары. Ну да ничего. За свои денежки я получил достаточно. *(Смеется.)* Как много солдат кругом сегодня ночью. Что, ожидается какая-нибудь заварушка? *(Никто не отвечает.)* Здорово будет вернуться назад в Лос-Анджелес. Там по крайней мере не такой холодище. *(Пауза.)* Огня ни у кого нет? Спички у меня тоже сперли. Только мое копьё при мне и осталось. *(Смеется; все молчат.)* Хотя, должен признать, дело свое они знают. Особенно одна – еврейка. Еврейки – классные проститутки. Но у вас в городе слишком много евреев. Берлин так и кишит ими. Вы любите евреев? *(Молчание.)* Я не люблю. Хотя шлюхи из них хоть куда. Особенно

рыжеволосые.

Все молчат. Кто-то протягивает Абелю жестяную кружку с кофе. Он улыбкой благодарит. Глаза наполняются слезами. Он отхлебывает кофе и курит.

Как хорошо вернуться домой, в теплые края. К жене и детям. Шлюхи украли у меня бумажник, а то бы я показал вам фотографии детишек. Мы живем не в самом Лос-Анджелесе, а на холме на берегу океана. Тихого океана. Засыпаем и просыпаемся под шум прибоя. Круглый год купаемся. У моей жены шикарная фигура. В купальнике она блеск! У нас двое ребятишек, Макс и Мануэла. Осенью девочка пойдет в школу. С нами живет моя старуха бабка. Вообще-то она сущая ведьма, но хозяйство ведет прекрасно, и дети ее любят. А главное – превосходно готовит. Попробовали бы вы ее яблочный пирог!

Солдат. Да пошел ты ко всем чертям!

Абель (*смеется*). Чем я его обидел? А может, он еврей? В таком случае в ваших рядах предатель. Солдат. Вали отсюда, пока я тебя не пристрелил! Абель (*показывая пачку денег*). Позвольте заплатить за кофе.

Сует деньги в карман ближайшего солдата.

До свиданья, джентльмены. Ради вашего блага я надеюсь, что Германия в четверг еще не развалится. Будь я на вашем месте, я бы не был в этом так уверен.

Добравшись до дому, Абель раздевается в холодной прихожей и потихоньку проходит в комнату. Горит верхний свет.

Мануэла лежит на кровати, вытянув руки по бокам. Голова ее повернута к стене; на подушке – следы рвоты. Подойдя ближе, Абель убеждается, что глаза Мануэлы широко раскрыты и она мертва.

В комнате непроницаемая тишина. В льющемся с потолка тусклом свете тело, представшее его глазам, кажется нереальным. За окнами – сгустившийся мрак. Стремясь уйти от всего этого ужаса, он закрывает глаза и делает глубокий вдох, чтобы простым актом физического движения нейтрализовать нестерпимую боль. Слез у него больше нет. Слабый шорох за стеной заставляет его вскочить на ноги. Ему кажется, что в узком зеркале в золотой раме, висящем рядом с гардеробом, внезапно мелькнул лучик света. В ярости хватает он один из стульев и изо всех сил запускает им в зеркало; стекло разбивается, и осколки падают внутрь, обнаруживая зияющее отверстие в стене. Мгновение Абель стоит, оцепенев от испуга, затем слышит быстрые удаляющиеся шаги и стук захлопываемой двери. Встав на другой стул, он направляет свет висящей под потолком лампы в проем. Там, в темноте, что-то посверкивает. Словно на него уставился чей-то глаз. Приблизив лампу к таинственному предмету, Абель видит, что это кинокамера, объектив которой направлен ему в лицо. Он выбивает из рамы острые осколки зеркала и, протиснувшись в дыру, опрокидывает камеру. Кассета раскрывается, и по полу, извиваясь желтоватой змеей, ползет киноплёнка. Абель толчком открывает дверь, возле которой он

оказался, и попадает в просторную, совершенно пустую комнату с высокими окнами и содранными досками пола, обнажившими деревянные балки, меж которых зияет бездонная пустота. Позолоченная кожа, некогда драпировавшая стены, оборвана; четыре ничем не завешенных окна обращены в черноту ночи. Крутые ступени деревянной лестницы ведут к двери в верхнем этаже. По другую сторону двери все выкрашено в белый цвет, стены облицованы кафелем, окна забиты. Посреди комнаты – операционный стол и ничего больше, словно все остальные предметы обстановки отсюда вывезли в страшной спешке. За следующей дверью – большой грузовой лифт. Абель нажимает кнопку: слышится рев мотора, от которого вибрируют полы и стены. Лифт трогается с места, унося Абеля вверх сквозь темноту здания, кое-где рассеиваемую светом лампочки без плафона. Повсюду следы поспешной эвакуации. На последнем этаже кабина останавливается, и Абель видит, что попал в длинный коридор, судя по всему, протягивающийся через весь дом. Все двери в нем полуоткрыты, то тут, то там груды неубранного мусора.

Неожиданно на Абеля надвигается какая-то тень. Он видит худое лицо, горящие холодным блеском глаза, плотно сжатый рот. Ему удается увернуться, и нападающий падает. Абель бросается бежать. Достигает лестницы и устремляется вниз. Его преследуют. Наконец он попадает в подвальное помещение; вверх и вниз от него зияет шахта лифта. В огораживающей ее решетке нет входа. Между тем преследова-

тель, безликий в сером, неверном свете, падающем из потолочной дыры, уже вцепился в Абеля. Тот пытается вырваться, но тщетно: противник прижимает его к решетке и щитку с кнопками управления. Лифт включается, пол и стены начинают, гудя, вибрировать, и кабина медленно ползет вниз. И Абель, и его таинственный противник падают; последний, оказавшись сверху, бьет Абеля головой о каменный пол. Кабина уже близко. Найдя опору для ног и не отпуская противника, Абель делает резкий бросок в сторону зияющей шахты. Инстинктивно отшатнувшись, преследователь вынужден на миг выпустить из рук свою жертву. Абель тотчас же опрокидывает его и удерживает за плечи, прижимая к полу, так что голова незнакомца свисает над шахтой. В нескольких сантиметрах от лица Абеля опускается кабина лифта.

Доктор Солтерман смотрит на свои карманные часы – он медленно заводит их ключиком на тонкой золотой цепочке. Младенчески голубые глаза его холодны, прежней доброжелательности нет и в помине. Он иронически улыбается; углы его рта растягиваются, обнажая ряд неестественно белых зубов.

Доктор Солтерман. Когда вы поступили к нам, я поставил вас в известность, что наш рабочий день длится с восьми до шести.

Еще одна улыбка, исчезающая так же быстро, как и предыдущая. Солнечный луч, сотканный из танцующих пылинок, проникает сквозь грязное окно и сияет в седых волосах док-

тора Солтермана.

Абель. Вас не затруднит провести меня на мое рабочее место? Я сам не найду.

Доктор Солтерман. Разумеется, я вас проведу. Они молча идут по лабиринту. Старик идет быстро, раздражающе позвякивая связкой ключей в правой руке. Абель, не отставая, следует за ним по пятам. Внезапно по соседству слышатся чьи-то шаги и стук хлопающей двери. Абель замирает на месте.

Абель. Разве в архиве еще кто-то есть?

Доктор Солтерман. Разумеется. Каждый день к нам приезжают ученые из других институтов.

Они подходят к комнате Абеля. Доктор Солтерман останавливается и сухо кивает, нетерпеливо дожидаясь, пока Абель пройдет внутрь. Вытянув руку, Абель хватает старика за предплечье и швыряет к столу. Тот падает. Абель захлопывает тяжелую железную дверь изнутри и быстро поднимает доктора Солтермана с пола. Очки старика разбиты, все его тело сотрясает дрожь.

Вы крайне неподобающим образом обходитесь с пожилым человеком. *(Уняв нервную дрожь, он снова улыбается. Снимает с носа разбитые очки.)* Все это так нелепо и унижительно. Вы, несомненно, отдаете себе отчет в том, что я ничего не скажу, что бы вы со мной ни сделали. В отличие от вас, у меня есть убеждения. В Мюнхене ныне происходит нечто беспрецедентное, герр Розенберг. В мир приходит спаситель, но

роды сопровождаются муками и кровью. Грядут страшные времена, но что значат каких-нибудь тридцать – сорок лет страданий и смертей? Что значу я или вы? Что значат миллионы и миллионы жизней, которыми придется пожертвовать? Людей, герр Розенберг, великое множество. Вялый век индивидуализма позади. Уже появился тот, кто претворит в деяния подавленный крик массы, сможет облечь в слова ее молчаливый страх... Убейте меня, герр Розенберг. Тело мое немощно, но дух спокоен и тверд. *(Доктор Солтерман говорит быстро и очень тихо. Вновь и вновь его голубые, не защищенные стеклами очков глаза туманят слезы. Он вынимает носовой платок и сморкается.)*

Абель. Отдайте мне ключи.

Абель протягивает руку за связкой, но старик качает головой и прячет ключи в карман халата. Сделав к нему шаг, Абель пытается перехватить ключи. Доктор Солтерман сопротивляется, слышится хруст сломанной руки, он вскрикивает от боли. Абель ладонью зажимает старику рот, валит его на стол и бьет головой о крышку. Хилое тело сразу же тяжелеет в руках Абеля, глаза доктора закатываются, он начинает хрипеть... Абель завладевает ключами и, перепробовав несколько, отпирает железную дверь.

За ней во все стороны расходятся коридоры и узкие переходы. Без особого труда Абелю удастся отыскать ту часть архива, где он был накануне с доктором Фуксом. Абель вслушивается, но вокруг все тихо; лишь негромкое шипение ис-

ходит из труб, протянувшихся под самым потолком во всю длину коридора.

В одном конце комнаты Абель обнаруживает низкую дверцу, замаскированную полками. После нескольких попыток он отпирает и ее. Он попадает в тесную квадратную комнату, напоминающую большой шкаф. Окон в ней нет. Посредине стоит какой-то странный аппарат: стол, на котором укреплены два больших колеса, а между ними – труба с линзами. На одно из колес намотан рулон киноплёнки. Абель осматривается. Вдоль стен идут ряды полок, на которых лежат круглые металлические коробки. На каждой проставлен номер.

С правой стороны – пульт управления аппаратом. Абель нажимает одну из кнопок. Тотчас же вспыхивает невидимая снаружи лампа проектора, и на маленьком экране, установленном на противоположном конце стола, появляется неподвижное изображение. В кадре – фигура женщины, сидящей на стуле на фоне белой стены. Поза напряженная, лицо искажено страданием. Абель нажимает другую кнопку. Оба колеса начинают вращаться, лента скользит за линзой проектора, раздается негромкое шуршание, и кадр с изображением женщины оживает.

Абель оборачивается.

В комнате неслышно появился Ханс. Он закрывает дверь, запирает ее за собой и выключает проектор.

Вергерус. Я запер дверь, чтобы нам никто не помешал.

(Улыбается.) Доктор Солтерман предостерегал меня в отношении вас, но я ему не поверил. Между прочим, кто бы мог подумать, что доктор Фукс проболтается? Ведь он всего так боялся. И не уставал повторять, как он мной восхищается. (Мрачно.) Вы молчите. Включите снова проектор и увидите нечто любопытное. Это съемки экспериментов, которые мы проводили здесь, в клинике святой Анны.

Абель включает. Опять слышится треск аппарата, и экранное изображение оживает.

Перед вами эксперимент на сопротивляемость, к несчастью, не до конца документированный, но, увы, наша аппаратура пока еще крайне несовершенна. Тридцатилетняя женщина добровольно согласилась ухаживать за четырехмесячным ребенком, который из-за мозгового заболевания кричал день и ночь не переставая.

Нам хотелось посмотреть, что станет с этой совершенно нормальной, незаурядного ума женщиной, если запереть ее в комнате с непрерывно плачущим младенцем. Как видите, спустя двенадцать часов она еще вполне сохраняет самообладание.

Абель смотрит.

Женщина на экране встает со стула и идет к кроватке, в которой плачет младенец, с нежностью берет его на руки и начинает ходить по комнате, убаюкивая ребенка. Сначала, обнаружив, что ее заперли, она вышла из себя: принялась кричать и стучать в дверь. Но, осознав, в каком положении

находится, повела себя вполне разумно. Она решила устроиться по возможности получше и выжить вместе с плачущим ребенком. Однако вот прошло двадцать четыре часа.

Абель смотрит.

Титры извещают о том, сколько прошло времени. Женщина присела в уголке и зажала уши ладонями.

Теперь уже видно, что крик ребенка вывел ее из равновесия. Жалость к нему подавлена ощущением, которое сильнее ее воли. Над всеми чувствами возобладала глубокая депрессия, которая в свою очередь парализует всякую инициативу. Видите, как странно ведет себя подопытная во время принятия пищи: скорчилась на полу, с трудом жует. Она бросила ребенка на произвол судьбы.

Абель смотрит.

Женщина стоит у детской кровати. Руки ее повисли по бокам как плети, голова поникла, и Абелю не видно ее глаз. Одно плечо женщины вздернуто.

Теперь мы совершенно отчетливо видим, что у нее уже созрела мысль избавиться от ребенка. Однако прошло еще шесть часов, прежде чем она осуществила свое намерение. Незаурядная сопротивляемость. К сожалению, наша камера не смогла запечатлеть момент этого поступка. Как я уже говорил, возможности аппаратуры пока ограничены.

Экран темнеет, но аппарат продолжает шуршать.

Абель смотрит.

Теперь в кадре двое мужчин в белой комнате. На одном

– белая куртка и брюки. Другой, обнаженный, лежит на деревянном столе; его руки и ноги стянуты кожаными ремнями. Глаза у лежащего завязаны. Мужчина в белом держит большим и указательным пальцами толстую гиподермическую иглу. Время от времени он вонзает ее в тело расprostертого на столе человека. Тот кричит; по груди привязанного течет пот.

Этот эксперимент осуществляется в две стадии. Перед вами – стадия первая. Подопытного, лишенного возможности видеть и двигаться, много часов подряд колют иглой через разные промежутки времени. Подчас за минуту он получает пять-шесть слабых уколов, подчас интервал между ними достигает получаса. Постепенно это ввергает подопытного в состояние непереносимого ужаса.

Абель смотрит.

Движущиеся титры по-немецки поясняют, что по истечении десяти часов первая стадия эксперимента завершилась. Наибольший интерес в данном опыте представляет вторая стадия. Спустя примерно десять часов описанный эффект воздействия исчезает. Подопытного отвязывают. Теперь проводивший эксперимент медик разговаривает с подопытным, дает ему пить, моет его, помогает закурить.

Абель смотрит.

Медик создает нечто вроде поля взаимной привязанности между собой и подопытным, который опирается на плечо своего мучителя, рыдая от горя и унижения, но не испыты-

вая ненависти к тому, кто пытал. Напротив, он очень легко откликается на наигранную доброту мучителя. Он исполнен ощущения теплоты, всецело обусловленного шоком, в котором находится.

Экран на конце стола вновь темнеет, но аппарат продолжает шуршать. В лицо Абелью ударяет струя горячего воздуха и запах раскалившегося металла.

Вам ведь хочется посмотреть еще, не правда ли?

Абель смотрит.

К белой стене прижимается человек. Видно, что ему трудно удерживать равновесие. Глаза его широко раскрыты, рот все время дергается. То и дело он вытягивает руки, словно ища опоры. Делает шаг, но тут же падает, встает и падает снова.

На протяжении семнадцати дней этот человек был заперт в камере такой конструкции, что не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни головой. Ко всему прочему, он был помещен в условия полной свето-и звукоизоляции. Знаю, вы хотите меня спросить, как это нам удастся находить добровольцев для подобных опытов. Уверяю вас, это совсем не трудно. При нынешнем положении вещей в нашем распоряжении оказывается огромное количество живого материала, и мы можем себе позволить выбирать. Сегодня за небольшую сумму денег и хороший паек люди согласны на все.

Изображение меркнет, на мерцающей белизне экрана скользит и пропадает неразборчивый текст.

Абель смотрит.

Научная ценность этих кадров ограничена, однако они представляют интерес для физиогномистов. Подопытному сделали инъекцию танатоксина – наркотика, вызывающего страшную душевную муку. Таким образом, тот, кого вы видите, переживает невыносимые страдания. Тотальный и безотчетный ужас. Вот перед вами момент, когда делается инъекция. Заметьте, он совершенно спокоен, шутит и смеется. Между прочим, на редкость обаятельный юноша. Он был студентом, изучал в университете политические науки. А теперь мы вновь видим его в состоянии возрастающей тревоги. Через несколько секунд он покончит с собой. Смотрите внимательно. Это произойдет внезапно. Он хватается лежащий на столе револьвер – вам его плохо видно; а вот теперь виднее. Вставляет дуло в рот. Револьвер, разумеется, не заряжен, но он этого не знает.

Истомленный страданием молодой человек отбрасывает револьвер и кидается на стену. Схватившись за голову, он катается по полу. Изображение меркнет.

Абель не отрываясь смотрит.

Что же я еще хотел сказать?... Ах да, этот студент спустя несколько дней действительно застрелился, хотя действие танатоксина к тому времени совершенно иссякло. *(Пауза.)* С вашим братом Максом случилось такое же несчастье. Между прочим, он был одним из лучших наших сотрудников.

Абель молча смотрит на Ханса.

Он был умен и, что еще важнее, по-настоящему интересовался нашими опытами. Ему хотелось испытать на себе действие танатоксина. Я его отговаривал, но он настоял на своем. Его невеста тоже в немалой мере помогла нам. Они были очень привязаны друг к другу и некоторое время прожили в одной из тех комнат, которые занимали вы...

Тяжелый аппарат по-прежнему трещит и теперь показывает комнату, обставленную примерно так же, как жилище Абеля и Мануэлы.

Абель смотрит.

В кадре – ожесточенно ссорящиеся мужчина и женщина. Через несколько мгновений у них доходит до рукоприкладства. В приступе животной ярости они наносят друг другу удары.

Это один из наших последних и наиболее интересных экспериментов. Обоих подопытных подвергли операции. В мозг каждого из них вживили две маленькие мембраны. Одна из них связана с центром агрессивности, другая – сексуальной деятельности. За пределами помещения, в котором проводится опыт, помещен передатчик, посылающий импульсы то на одну, то на другую мембрану. Таким образом, мы можем дистанционно воздействовать на поведение подопытных в том, что касается проявлений агрессивности и сексуальности. К несчастью, изображение получилось недостаточно четким, хотя мы использовали сразу несколько кинокамер. В данный момент перед вами пульт управления; он со-

стоит из двух блоков: один для мужчины, другой для женщины. Теперь вы видите, как осуществляется воздействие на их сексуальные центры. Смотрите, сколь внезапно они переходят от драки к ласкам, а затем – к половому акту. В момент совокупления мы активизируем центр агрессивности женщины. Она бешено нападает на партнера, в то время как мужчина, у которого все еще возбужден сексуальный мозговой центр, тщетно пытается ею овладеть. Это очень похоже на фарс – порой трудно удержаться от смеха.

Изображение сменяется другим.

Абель смотрит.

Возможно, вы задаетесь вопросом, каковы были мои намерения в отношении вас и Мануэлы, когда я поселил вас в одну из комнат для экспериментов и предложил питаться в нашей диетической кухне. Поверите ли, у меня не было никаких намерений. Просто хотелось вам помочь. В вашу пищу ничего не подмешивали. Она была всего-навсего чуть лучше той, какую ели другие сотрудники клиники. Как вы видели, в настоящее время клиника эвакуирована. Не так давно нам пришлось перенести нашу деятельность в более укромное место. Вы, разумеется, понимаете, что нам приходится действовать очень осторожно. Более того, мы крайне ограничены в средствах – нас финансируют только частные лица. *(Улыбается.)* Я отнюдь не чудовище, Абель. То, что вы видели, это лишь первые шаги необходимого и закономерного развития.

Ханс умолкает и закуривает сигарету. Аппарат продолжает трещать; теперь на экране ряд человеческих лиц – лиц людей, в сумерках идущих по широкой улице.

Как только вы откроете эту дверь, вас убьют. Я знаю, что вы сообщили инспектору Бауэру о наших экспериментах. Знаю также, что правосудие в лице недалекого, добродушного инспектора уже медленно, со скрипом зашевелилось. Очень скоро он явится сюда с полицейскими и их ржавыми револьверами. Через несколько минут я надкушу ампулу с цианистым калием, которую держу за правой щекой. Я по-

думал было о том, чтобы сжечь архив и уничтожить итоги нашей работы, но это слишком напоминало бы мелодраму. Результаты нашей деятельности затребует и изучит суд, а затем их подошьют к делу. Через несколько лет ученые попросят извлечь эти документы из папок и продолжат наши эксперименты в неизмеримо более широких масштабах. *(Пауза.)* Мы опередили свое время, Абель. И нас придется принести в жертву. Это логично. *(Пауза; затем он улыбается.)* Через день-другой, быть может даже завтра, на юге Германии отряды национал-социалистов под предводительством крайне пустоголового герра Гитлера попытаются совершить переворот. Эта попытка с треском провалится. Герру Гитлеру недостает интеллектуальных способностей; он и понятия не имеет о том, что такое метод. Он не отдает себе отчета в том, какие гигантские силы ему предстоит всколыхнуть. В день, когда разразится буря, они сметут его, как прошлогодний листок. Вглядитесь, Абель, в этот кадр. Посмотрите на всех этих людей. Они не способны осуществить революцию – слишком они унижены, запуганы, подавлены. Но пройдет десять лет, и те, кому сейчас десять, станут двадцатилетними, а нынешним пятнадцатилетним будет по двадцать пять. Они унаследуют ненависть старших, соединив ее с собственным идеализмом и нетерпением. Из их среды выдвинется кто-то один, и этот один воплотит в слова их невысказанные желания; он заговорит с ними о великом будущем и о великих жертвах. Молодые и неискушенные заразят своей сме-

лостью и верой старых и слабодушных, и вот тогда-то свершится революция и наш мир рухнет в крови и пламени. (*Пауза; Ханс садится.*) Через десять лет, не позже, эти люди построят новое общество, которому не найдется равных в мировой истории.

Абель выключает проектор; аппарат останавливается, луч света гаснет. Он подходит к двери и осторожно пробует ее замок. Она заперта, и ключ вынут из замочной скважины. Он прислоняется к полке и усталыми, больными глазами смотрит на Ханса, который, удобно откинувшись на спинку кресла, играет ржавыми ножницами.

Старое общество, Абель, основывалось на чрезмерно романтических представлениях о человеческой природе. И все было очень сложно, ибо представления эти не соответствовали реальности.

Абель поднимает глаза на Ханса.

Новое общество положит в свою основу реалистическую оценку потенциальных возможностей человека и его слабостей.

Абель смотрит на Ханса.

Человек – ошибка природы. Он – ее извращение. Вот здесь-то и пригодятся наши эксперименты, пока еще очень скромные. Мы исследуем основу конструкции, которую принято именовать человеком, и пересоздаем эту основу. Высвобождаем производительные потенции и вводим в русло деструктивные. Искореняем все неполноценное и умножа-

ем полезное. Только так можно предотвратить конечную катастрофу. *(Улыбается.)* А знаете, что для нас было самое трудное при проведении опытов? Я скажу вам, Абель. Избавляться от трупов, заметать следы. Доктор Эйхенберг изобрел камеру сгорания, приводимую в действие электричеством, но у нас не было средств на ее постройку. Два человека – те, которые дежурят сейчас в архиве и которых через несколько минут пристрелят полицейские Бауэра, – делали всю тяжелую работу, но их изобретательность впечатляет. Полиции предстоит раскрыть причины и обстоятельства сорока шести убийств и самоубийств. Процент сравнительно невелик, если учесть, что экспериментам подвергались более трехсот подопытных, которые затем вернулись к себе домой, не имея ни малейшего представления о том, через какие испытания им пришлось пройти. Да, мертвецы причиняли нам немало хлопот.

В помещении архива начинается стрельба. Раздаются крики, гулко звучат команды. Внезапно все стихает. Вергерус почти не обращает внимания на происходящее.

А вы с Мануэлой всегда мне нравились. *(Улыбается.)* Она симпатизировала мне и, думаю, искренне. Вопреки здравому смыслу, я старался помочь вам. Смешно, не правда ли, Абель?

В железную дверь барабанят, кричат, что это полиция, грозят выломать дверь, если не откроют.

Если до вашего разумения дошла хотя бы часть того, о чем

я говорил последние несколько минут, можете рассказывать об этом всем, кому будет угодно вас слушать. Вам никто не поверит. Хотя каждый, кто сделает над собой хоть малейшее усилие, может увидеть и понять, каково оно, будущее. Это как змеиное яйцо. Сквозь тонкую оболочку можно ясно разглядеть вполне сформировавшуюся рептилию.

Дверь начинает поддаваться. Ханс Вергерус закрывает глаза; лицо его искажает гримаса жуткой боли.

Я думал, все будет гораздо быстрее. Я не думал... что это так больно.

Дверь распахивается, и в комнату врываются двое вооруженных полицейских. Следом за ними – Бауэр. Ханс Вергерус соскользнул со стула; его голова стучается об пол.

Один из полицейских хватает Абея за руку. Он пытается вырваться, но тут же теряет сознание от сильного удара в лицо.

Абель приходит в себя в чисто выбеленной комнате без окон. Приблизившись, над ним склоняется человек в белом, затем неслышно удаляется. Абель хочет сесть, но его голова падает на подушку. Отворяется невидимая ему дверь, и кто-то останавливается у изножья постели. Это Бауэр.

Он садится в ногах больного, не спеша закуривает и кивает Абелью, который снова старается приподнять голову.

Бауэр. Вам дали большую дозу веронала. Вы проспали два дня.

Абель. Какое сегодня число?

Бауэр. Вечер одиннадцатого ноября. Вы находитесь в изоляторе центральной тюрьмы.

Абель. Дайте мне попить.

Бауэр помогает ему сесть, дает напиток, затем ставит жестяную кружку обратно на привинченный к стене стол. Бауэр. Я говорил с Холлингером. Он полагает, что сможет найти для вас работу. Государство оплатит ваш проезд поездом до Базеля, где цирк пробудет ближайшие две недели. Не сомневаюсь, что вы примете его любезное предложение.

Абель. Думаю, что да.

Бауэр. Так будет проще всего, герр Розенберг. *(Встает и направляется к выходу, но оборачивается.)* Полицейский проводит вас на вокзал. Ночной поезд отходит в одиннадцать двадцать.

Абель. Спасибо.

Бауэр. Если вам вдруг придет в голову раздумывать над тем, что вам пришлось пережить, можете смело сказать себе, что это была всего-навсего череда бессвязных страшных снов. Не так ли, герр Розенберг?

Абель. Да.

Бауэр. Мы позаботились о вашей невестке Мануэле.

Абель. Вы похоронили ее?

Бауэр. Похоронили?

Абель молчит.

Ее поместили в психиатрическую клинику. Врачи считают, что выйдет она оттуда не скоро. К несчастью, она в очень

тяжелом состоянии.

Абель никак не реагирует.

Прощайте, герр Розенберг. (*Собирается уйти, но еще раз задерживается.*) Между прочим, путч герра Гитлера в Мюнхене кончился неудачей. Все предприятие с треском провалилось. Герр Гитлер и его банда недооценили силу германской демократии. Прощайте.

Инспектор закрывает дверь. Абель садится, встает, делает несколько неуверенных шагов, цепляется за белую стену и едва не теряет равновесия. Он ведет себя как тот объект экспериментов Ханса, которого на семнадцать дней заперли в камеру, лишив света, звука и возможности двигаться.

Форё.

Среда, 7 января 1976.